

все остальные лишь от него узнали об этом последнем, то это обстоятельство сообщает авторитет и придуманному имъ названію. Но подобное положеніе дѣлѣ мыслимо лишь по отношенію къ самымъ немногимъ предметамъ. Вообще же говоря, лишь примѣнимость (*die angemessenheit*) названія обезпечиваетъ ему всеобщее распространеніе, т. е. опять-таки внутреннее отношеніе между звукомъ и значеніемъ, которое тамъ, гдѣ отсутствуетъ промежуточная среда, не можетъ основываться ни на чемъ другомъ, кромѣ чувственного впечатлѣнія, производимаго звукомъ на слышащаго, и на удовлетвореніи, которое доставляетъ говорящему лицу дѣятельность моторныхъ нервовъ, необходимая для произведенія звука“. (Н. Paul. 142—143). Этимъ послѣднимъ положеніемъ Пауль устанавливаетъ еще одинъ принципъ, который игралъ роль въ образованіи языка и заключается въ чувствѣ удовольствія, испытывавшемся при издаваніи звука. Этотъ принципъ находитъ полное подтвержденіе въ томъ множествѣ словъ для означенія шумовъ и движеній, которыя являются сравнительно новыми созданіями во всѣхъ современныхъ языкахъ. Сотни ихъ можно насчитать и въ русскомъ языкѣ, какъ во всякомъ другомъ. Разсмотрѣвъ цѣлую группу подобныхъ образованій въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ, Пауль останавливается на ихъ звуковой формѣ. „То обстоятельство, что въ этой группѣ словъ мы ощущаемъ внутреннюю связь между звуковой стороной и значеніемъ, не является въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ доказательствомъ того, что они, дѣйствительно, обязаны своимъ происхожденіемъ именно этому отношенію. Ибо существуетъ, какъ можно доказать, множество такихъ словъ, которыя лишь путемъ позднѣйшаго развитія приобрѣли такой звуковой характеръ или такое значеніе, что могутъ производить впечатлѣніе звукоподражательныхъ образованій. Но все-таки обзорѣніе этихъ словъ во всей ихъ совокупности исключаетъ предположеніе сплошной случайности. При этомъ особенно бросается въ глаза одно обстоятельство, именно многочисленность сходныхъ словъ, отличающихся лишь гласнымъ звукомъ и имѣющихъ одинаковое или же очень близкое значеніе, но не могущихъ восходить по звуковымъ законамъ къ одной праформѣ. Точно также нерѣдко и въ различныхъ языкахъ встрѣчаются сходно звучащія слова этого рода, которыя однако по звуковымъ законамъ не могутъ быть въ родствѣ между собой. Точно также извѣстныя *измѣненія* уже готовыхъ словъ могутъ объясняться только звукоподражательнымъ стремленіемъ. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ примѣровъ является средне-верхне-нѣмецкое *gouch*—современному нѣмецкому *kiukik* съ промежуточными формами *diskaich*, *kiskisch* и т. под. Все подобныя образованія означаютъ отчасти шумъ, отчасти безпокойныя движенія. Все эти превращенія слѣдуетъ совершенно отдѣлить отъ звуковыхъ переходовъ и разсматривать, какъ *частичныя новообразованія*. Абсолютными *новообразованіями* являются, въ сущности, только междометія“. На этихъ послѣднихъ Пауль считаетъ нужнымъ

остановиться болѣе обстоятельно. Онъ спрашиваетъ прежде всего, можно-ли видѣть въ междометіяхъ „первобытнѣйшія выраженія языковой дѣятельности (sprechfähigkeit)“. Пауль отрицаетъ это пониманіе, утверждая, что междометія становятся рефлексорными движеніями только въ силу прочно установившихся ассоціацій.

Поэтому, въ разныхъ языкахъ и діалектахъ и у различныхъ людей междометія служатъ для выраженія разнообразныхъ чувствъ, и то общее, что въ языкѣ связывается съ опредѣленными междометіями, обязано своимъ происхожденіемъ вовсе не прирожденной связи между извѣстными чувствами и восклицаніями, но такой же самой традиціи, которая установила значенія словъ иного происхожденія. Въ доказательство этого положенія Пауль приводитъ извѣстныя междометія, возникшія изъ сокращенія цѣлыхъ выраженій, въ родѣ *jemine* (*jesu domine*), но онъ все же допускаетъ наличность такой группы междометій, которая возникла, какъ это можно предположить съ наибольшей вѣроятностью, благодаря рефлексорнымъ движеніямъ. „Большая часть этихъ междометій, при томъ самыхъ индивидуальныхъ въ формальномъ отношеніи и по своему чувственному тону (*empfindungston*), представляетъ собою реакціи на мгновенныя возбужденія слухового и зрительнаго органовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы должны смотрѣть на ихъ первоначальную сущность. Затѣмъ они употребляются и въ воспоминаніи и въ разсказѣ о такихъ событіяхъ, которыя вызываютъ подобное мгновенное возбужденіе“. Звукоподражательный элементъ силенъ и въ этихъ междометіяхъ: франц. *criecrac*, *drelin-dreton*, нѣм. *lirumlarum*, *piffpaffpuff* и мн. др. Перечислив такія образованія, которыя восходятъ къ новѣйшему языковому творчеству человѣка, Пауль справедливо указываетъ на то, что между ними и первоначальными образованіями языка должна быть существенная разница, заключающаяся въ томъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ не могло быть никакихъ образованій по аналогіи. „Въ нихъ нельзя найти еще никакихъ слѣдовъ какой-нибудь грамматической категоріи. Они соотвѣтствуютъ цѣлымъ воззрѣніямъ. Это первоначальныя предложенія, о которыхъ мы еще можемъ составить себѣ представленіе“ по такимъ восклицаніямъ, какъ напр. „Воры! Пожар!“ . Такимъ образомъ, такіе первоначальные языковые элементы, выражающіеся въ формѣ восклицанія—междометій, представляютъ собою, собственно, предикаты, которымъ субъектомъ служить извѣстное впечатлѣніе. „Для того, чтобы придти къ высказыванію такого предложенія, человѣкъ долженъ выдѣлить нѣчто опредѣленное изъ множества того, что дано одновременно въ воспріятіи. А такъ какъ подобное выдѣленіе еще не можетъ быть осуществлено съ помощью логической операціи, то оно должно быть вызвано внѣшнимъ міромъ. Должно нѣчто произойти для того, чтобы вниманіе фиксировалось въ опредѣленномъ направленіи. Не покоящійся и безмолвный міръ, но движущійся и зву-

чацій представляеть ту среду, которая первая входитъ въ сознаніе чело-
вѣка, и для которой онъ творить первые звуки языка. Мѣсто движенія
окружающей среды можетъ занять движеніе собственнаго тѣла, при ко-
торомъ взоръ внезапно наталкивается на неожиданную картину. Разу-
мѣется, впечатлѣніе будетъ еще болѣе интенсивно, если имъ возбуждаются
радость или страданіе, желаніе или страхъ“. Эта психологическая моти-
вировка перваго соединенія восклицанія съ впечатлѣніемъ страдаетъ нѣ-
которой расплывчатостью, общею всѣмъ психологическимъ теоріямъ про-
исхожденія языка. Неясно, почему только человѣкъ перешелъ къ созда-
нію рѣчи отъ тѣхъ криковъ эмоціональнаго характера, которые произво-
дятъ вѣдь и другія животныя. Остается неразрѣшеннымъ и другой воп-
росъ, на который я не разъ обращалъ вниманіе въ предшествующемъ
изложеніи: именно, можетъ ли отъ крика аффекта начинаться называніе
предмета, вызвавшаго аффектъ?

Для Пауля этотъ вопросъ, можно сказать, просто не существуетъ:
„Мы можемъ сказать относительно древнѣйшихъ словъ, что они связы-
ваютъ съ междометнымъ характеромъ несовершенное выраженіе возрѣ-
нія, которое впослѣдствіи передается предложеніемъ“. При этомъ Пауль
отмѣчаетъ, что эти первичныя выраженія сознанія были лишены самой
существенной особенности всѣхъ позднѣйшихъ словообразованій: человѣкъ
еще не понималъ цѣли рѣчи, не имѣлъ намѣренія что-либо сообщать,
такъ какъ цѣлесообразная дѣятельность начинается лишь тогда, когда
„составлено убѣжденіе, что данными средствами достигается опредѣлен-
ная цѣль“. Авторъ не прибавляетъ однако, что для подобнаго убѣжденія
должны быть извѣстныя психологическія предпосылки. Опять-таки, ссы-
лаясь на примѣръ животнаго, мы видимъ, что оно совершаетъ цѣлесообраз-
ныя дѣйствія, выходящія за предѣлы инстинкта, сначала лишь случайно, а
потомъ по устанавливающейся ассоціаціи. Человѣкъ долженъ былъ обла-
дать особенной силой и живостью ассоціацій, чтобы первоначально безсозна-
тельное говореніе могло пріобрѣсти у него, послѣ удачныхъ результатовъ
этого „говоренія“, характеръ цѣлесообразныхъ дѣйствій. Удачный ре-
зультатъ (бѣгство врага, приближеніе друга и т. п.) долженъ былъ сое-
диняться съ цѣлымъ комплексомъ дѣйствій, а не только съ извѣстнаго
рода звуками. Какъ выдѣлился изъ этого комплекса звуковой элементъ,
какъ особенно важный факторъ, это представляется психологической про-
блемой, совсѣмъ не затронутой Г. Паулемъ. Первоначальные звуки явля-
ются съ его точки зрѣнія, согласно со Штейнталевской теоріей, только рефлек-
сами. „Но когда такой рефлекторный звукъ воспринимается другими
индивидуумами одновременно съ чувственнымъ впечатлѣніемъ, которымъ
онъ вызванъ, то они могутъ вступить въ связь другъ съ другомъ. То
обстоятельство, что другой индивидуумъ ощущаетъ эту связь, можетъ
основываться на дѣйствительномъ причинномъ отношеніи, которое уста-

навивается при помощи первого возбужденія между воспріятіемъ и звукомъ“. Почему именно со звукомъ, а, напр., не съ мимикой или жестомъ? Вѣдь воспріятій могло быть безконечное множество, рефлекторныхъ звуковъ, какъ утверждаетъ самъ Пауль, было сравнительно немного. Предполагая же симпатическое (безсознательное) пониманіе значенія этихъ звуковъ средой, авторъ еще усугубляетъ трудность задачи: вѣдь тогда элементъ безсознательности пріобрѣтаетъ еще большее распространеніе. Между тѣмъ, то, что запомнилось, должно было рѣзко выдѣляться изъ массы обычнаго, воспринимаемаго напр. полубезсознательно или симпатически. Такимъ образомъ, въ своемъ развитіи взглядъ Пауля мало чѣмъ отличается отъ шаблона теорій междометнаго происхожденія языка. По вопросу о томъ, какъ установилась цѣлесообразность сообщенія, Пауль высказывается въ томъ смыслѣ, что источникомъ такого познанія цѣли было пониманіе рефлекторнаго жеста. Но это пониманіе, какъ мы видѣли въ главѣ, посвященной „языку жестовъ“, является инстинктивнымъ, и уже потому не отъ него пошло это расширеніе человѣческаго сознанія. „Если какому-нибудь индивидууму удалось нѣсколько разъ возбудить съ помощью рефлекторнаго движенія вниманіе“, то у него должно было явиться, по мнѣнію Пауля, и сознательное намѣреніе обращать на себя вниманіе съ помощью жестовъ. Отсюда уже, — если только допустить такое происхожденіе цѣлесообразныхъ сообщеній, чтó едва-ли возможно, — не трудно перейти и къ языковымъ средствамъ передачи своего содержанія другимъ. Къ произвольнымъ рефлекторнымъ движеніямъ стали присоединяться звуки, „въ произведенія которыхъ съ самаго начала участвовало намѣреніе сообщенія. Но мы должны подчеркнуть намѣренность сообщенія, но не намѣренность создать какое-нибудь постоянное орудіе сообщенія. Новая звуковая группа создается моментальной потребностью“. Такъ, въ сущности, возникъ первоначальный человѣческій языкъ, полагаетъ Пауль. Какъ и въ Гриммѣ, въ немъ чувствуется изслѣдователь историческаго развитія уже существующаго языка. Пауль очень силенъ, когда онъ стоитъ на почвѣ имѣющагося въ дѣйствительности матеріала, но его основанія довольно шатки, когда ему приходится обращаться въ область гипотезъ, затрагивающихъ область психологическихъ отношеній. Онъ не достаточно подчеркиваетъ разность психическихъ организмовъ животнаго и человѣка. Зато относительно самаго характера первобытнаго языка соображенія Пауля весьма цѣнны. Такъ, онъ думаетъ, что первоначальное говореніе предполагаетъ полное разнообразіе жестикуляцій, но „извѣстныя группы звуковъ должны были употребляться особенно часто не только однимъ и тѣмъ же, но и различными лицами самовольно (spontan), т. е. безъ воздѣйствія со стороны какого-бы то ни было желанія подражать, но по существу одинаковымъ образомъ. Только для звуковыхъ группъ, которыя влѣдствіе естественныхъ условій пользовались особеннымъ пред-

почтениемъ, можетъ выработаться моторное чувство при отсутствіи какой-нибудь установившейся нормы. Въ такомъ привилегированомъ положеніи находились прежде всего чистые рефлекторные звуки, и въ примѣненіи къ нимъ должно было развиваться прежде всего моторное чувство“. Такъ установилась, по мнѣнію Пауля, первоначальная звуковая норма человѣческой рѣчи.

Продолжаю хронологическій обзоръ работъ, посвященныхъ происхожденію языка. Египтологъ Карлъ Абель ¹⁾ исходилъ изъ изученія древне-египетскаго языка. Онъ указывалъ на то, что въ древнѣйшую эпоху іероглифической письменности египетскій языкъ до такой степени кишѣлъ синонимами и омонимами, что для современнаго человѣка въ высшей степени затруднительно разобрать въ немъ. Такъ, по словамъ Абеля, корень *ab* имѣетъ въ древне-египетскомъ языкѣ восемь совершенно различныхъ значеній, и данныя такого же порядка я приводилъ выше изъ языковъ дикарей. Подобно этому, слово *apt* имѣетъ шесть значеній, *ba* тоже шесть, *uet* семь и т. п. Съ другой стороны, для одного и того же понятія имѣется множество различныхъ словъ: *рѣзать* передается 37 словами, *сильный* десятью и т. дал. Такъ что первоначально кажется, будто бы звуковое сочетаніе можетъ имѣть разнообразнѣйшія значенія, а съ другой стороны одинъ и тотъ же предметъ можетъ получить всевозможныя названія. Даже ограничивая это положеніе и не обобщая его на всю область египетскаго языка, приходится вмѣстѣ съ Абелемъ спросить: какимъ образомъ люди понимали другъ друга? Абель отвѣчаетъ на это указаніемъ на іероглифы. По его мнѣнію, эти послѣдніе представляли необходимое пособіе, безъ котораго египетскій граматей не могъ бы понять, какое собственно значеніе имѣетъ данное слово. Этотъ фактъ обнаруживаетъ, по его мнѣнію, что люди глубокой древности вовсе не такъ легко понимали другъ друга, какъ мы, и должны были прибѣгать къ изображеніямъ, чтобы точно указать, какое именно значеніе имѣетъ данное слово. Выходить, такимъ образомъ (развивая взглядъ Абеля), будто бы древніе египтяне не разговаривали между собою, а только рисовали образы, связываемые со словами, что, разумѣется, противно здравому смыслу. Въ дѣйствительности же указываемые Абелемъ факты, конечно, не лишены значенія и въ спеціальному вопросу о происхожденіи языка, такъ какъ подчеркиваютъ яркость образнаго мышленія въ древнее время. Какъ мы уже видѣли выше, дикарямъ приходится для установленія взаимопониманія прибѣгать къ оживленной жестикуляціи, иногда какъ бы рисовать жестами то, о чемъ они говорятъ, и какъ переживаніе этой связи образа со словомъ, іероглифы могли бы до извѣстной

¹⁾ Ueber den Ursprung der Sprache. 2 изд. 1881. Горячимъ приверженцемъ Абеля выступилъ въ Дрезденскомъ литературномъ обществѣ въ 1883 году д-ръ Зеemannъ, выпустившій въ 1884 году брошюру „Ueber den Ursprung der Sprache“.

степени имѣть отношеніе и къ началу человѣческой рѣчи. Но, конечно, не болѣе. Далѣе, Абель переходитъ къ своей излюбленной теоріи о первоначальномъ двойномъ противорѣчивомъ значеніи словъ, о чемъ я уже упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, и затѣмъ останавливается обстоятельно на извѣстномъ фактѣ отсутствія обобщающихъ словъ въ дикарскихъ языкахъ при множествѣ названій для видовъ отдѣльныхъ предметовъ. Въ своемъ названіи человѣкъ исходитъ изъ стремленія связывать звуки съ образами, и такъ возникаетъ языкъ, первоначально представлявшій хаосъ звуковыхъ сочетаній и неясныхъ, неотчетливыхъ понятій. Лишь постепенно человѣческій умъ внесъ порядокъ въ это множество случайныхъ и прихотливыхъ сочетаній звуковъ со значеніями, и такъ образовался языкъ. Какъ мы видимъ, въ теоріи Абеля есть здоровое основаніе; онъ опирается на несомнѣнные факты дикарскихъ языковъ и изученіе древне-египетскаго языка, гдѣ связь образа со словомъ выражается еще очень ощутительно. Несомнѣненъ также первобытный хаосъ языка: обиліе значеній, связывавшихся съ однимъ звуковымъ сочетаніемъ, множество различныхъ звуковыхъ сочетаній для одного и того же понятія. Но какъ возникъ языкъ, объ этомъ Абель намъ не говоритъ ничего новаго.

Ничего оригинальнаго не находимъ мы во взглядахъ Курти ¹⁾, который представилъ эклектическую теорію происхожденія языка. Здѣсь есть и междометныя восклицанія, и *clamor concomitans* (крикъ, сопровождающій дѣятельность, а также извѣстныя воспріятія предметовъ), и шумы, производимые извѣстными жестами (какъ напр., чавканье), и подражаніе звѣринымъ крикамъ или космическимъ шумамъ, и наконецъ символическія слова. О послѣднихъ Курти высказывается слѣдующимъ образомъ: „(первобытные люди) не ограничиваются простымъ воспроизведеніемъ звука, но прибѣгаютъ и къ символикѣ, какъ это часто наблюдается въ исторіи языковъ. Достаточно вспомнить объ образованіи множественнаго числа съ помощью повторенія слова и объ обозначеніи прошедшаго времени съ помощью повторенія глагола“.

Реньо ²⁾, имя котораго мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось называть при изложеніи различныхъ взглядовъ на происхожденіе языка, полагаетъ, что „ни одинъ изъ главныхъ способовъ, съ помощью которыхъ теперь обогащается языкъ, не могъ быть примѣненъ къ его возникновенію“ (144). Наличность во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ фонетическихъ двойниковъ (франц. *bel* и *beau*, *cheval* и *cavale*, латин. *vorto-verto*, *optimus-optimus* и т. п.) заставляетъ предположить въ качествѣ одного изъ

¹⁾ *Th. Curti. Die Entstehung der Sprache durch Nachahmung des Schalles. 1885. Die Sprachschöpfung. Versuch einer Embryologie der menschlichen Sprache. 1890. Cp. Giesswein. 153—154.*

²⁾ *P. Regnaud. Origine et philosophie du langage ou principes de linguistique indo-européenne. 1888.*

первых факторовъ „фонетическую эволюцію“, являющуюся главной, если не единственной причиною, расхожденія діалектовъ одного и того же языка. Условія фізіологическаго характера, которыя опредѣляютъ эту фонетическую эволюцію, сводятся къ слѣдующимъ звуковымъ законамъ: 1. „Прогрессивное приобрѣтеніе звуковъ, начиная съ періода чистаго и простаго крика съ его рѣдкими модуляціями, и кончая артикулированнымъ языкомъ, которымъ человѣкъ обладаетъ съ историческихъ временъ, и фонетическое богатство котораго все возрастаетъ. 2. Вліяніе приобрѣтенныхъ звуковъ другъ на друга, которое обнаруживается такъ очевидно и такъ обычно въ великомъ законѣ ассимиляціи. 3. Правильное и спонтанное измѣненіе звуковъ. 4. Исчезновеніе звуковъ вслѣдствіе стяженія и иныхъ процессовъ этого рода“. Переходя къ корнямъ, въ которыхъ Реньо справедливо видитъ не что-нибудь абсолютно существующее, но послѣднія, далѣе уже не разложимыя части слова, онъ сопоставляетъ множество варіантовъ корней въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ и приходитъ къ заключенію, что „число индоевропейскихъ корней, которые являются по отношенію другъ къ другу лишь фонетическими варіантами, гораздо значительнѣе, чѣмъ это предполагаютъ обыкновенно; они допускаютъ даже теоретическую возможность, что съ формальной точки зрѣнія *всѣ* корни могутъ быть фонетически связаны одинъ съ другимъ или, другими словами, могутъ восходить путемъ *фонетической эволюціи* въ одному первоначальному типу“ (Regnaud. 178). Это положеніе заставляеть Реньо ополчиться противъ одного изъ принциповъ современнаго языкознанія, которое построено на принципѣ безысключительности фонетическихъ законовъ. Реньо объявляетъ этотъ принципъ не соотвѣтствующимъ научнымъ требованіямъ (*antiscientifique* 186), не замѣчая того, что онъ рискуетъ при отрицаніи его впасть въ полную произвольность, признавая любой корень происходящимъ отъ другого. Затѣмъ Реньо переходитъ отъ формальной стороны первобытныхъ корней къ ихъ значеніямъ“. Фонетическія измѣненія корней согласуются или имѣютъ тенденцію согласовываться съ измѣненіями значенія (*camp* и *champ* изъ лат. *campus*, *chasse* и *caisse* изъ *capsa*). Имѣя это въ виду, можно думать, какъ предполагаетъ Реньо (189), что и различія значеній не препятствуютъ предположить первоначальной связи всѣхъ индоевропейскихъ корней. Въ доказательство этого Реньо разсматриваетъ нѣсколько группъ значеній, которыя представляютъ развитіе по ассоціаціи идей значеній въ направленіи отъ понятій свѣта и блеска къ понятіямъ познанія и пониманія и т. д. „Одна и та же форма и одна и та же идея могли породить двѣ серіи путемъ эволюціи фонетической стороны и значенія“ (210). Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что сопоставленія Реньо весьма произвольны: съ помощью такого метода можно доказать родство какихъ—угодно корней. Міѳологическія изслѣдованія Реньо представляютъ такіе же недостатки метода, но этотъ

ученый не лишень оригинальныхъ и плодотворныхъ идей, и одной изъ такихъ въ данномъ вопросѣ я считаю его указаніе на возможность возведенія къ небольшому числу первоначальныхъ корней и значеній всего запаса индоевропейскихъ словъ. Благодаря этому, численность первобытнаго словаря челоѣчества принципиально очень уменьшается. Въ анализъ происхожденія суффиксовъ, склоненія и происхожденія отдѣльныхъ частей рѣчи я не буду здѣсь углубляться вслѣдъ за Реньо, тѣмъ болѣе, что онъ оперируетъ исключительно съ такой развитой группой языковъ, какой являются индоевропейскіе. Такъ, относительно первоначальнаго индоевропейскаго глагола Реньо замѣчаетъ, что онъ означаетъ „модусъ субъекта (*un mode du sujet*) съ указаніемъ на время, когда совершается отношеніе тождества этого модуса и субъекта: настоящее время (санскр.) *bhārami* означаетъ *носитель я*“ (279). Изъ этого видно, что Реньо не признаетъ существованія отдѣльной группы глагольныхъ корней, но допускаетъ наличность корней существительныхъ. „Первоначально, говоритъ онъ, глаголъ является чистымъ и простымъ соединеніемъ съ однимъ удареніемъ прилагательнаго и слова, которое оно опредѣляетъ“. И склоненіе, и спряженіе были изобрѣтены лишь одинъ разъ (289), и „этотъ принципъ предполагаетъ, что одна единственная серія первобытныхъ формъ дала начало путемъ аналогіи всѣмъ позднѣйшимъ подобнымъ формамъ“. Съ этой точки зрѣнія возстановленія первоначальнаго единства рассмотрѣны и другія грамматическія образованія индоевропейскихъ языковъ. Такимъ образомъ, въ конечномъ выводѣ (328—330) Реньо изучаетъ происхожденіе не языка вообще, но именно индоевропейскаго языка. Этотъ послѣдній „не обязанъ своимъ происхожденіемъ ни откровенію, ни изобрѣтенію или соглашенію, ни подражанію. Онъ развился у челоѣка, сначала какъ исключительно физиологическій эффектъ, чуждый, какъ кажется, всякой идеи цѣлесообразности; привилегированное (избранное) существо, главнымъ качествомъ котораго онъ сдѣлался, не имѣло никакого представленія ни объ его зачаткахъ, ни о цѣли, для которой онъ долженъ былъ употребляться. Сопровождаемый жестомъ, языкъ естественнымъ образомъ (*naturellement*) приспособлялся къ обозначенію разрядовъ предметовъ, все болѣе разнообразныхъ и точно опредѣленныхъ, по мѣрѣ того, какъ физиологическія причины, которыми онъ былъ порожденъ, продолжали дѣйствовать и создавать различныя формы его; такимъ образомъ, образовалось средство взаимобщенія между людьми, орудіе, наиболѣе пригодное для развитія ихъ ума и сдѣлавшееся вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно его зеркаломъ и образомъ“. Какъ мы видимъ, въ основаніе связи слова съ представленіемъ, основнаго источника происхожденія каждаго языка, Реньо полагаетъ естественный жестъ показательнаго характера. Какъ отсюда развилась рѣчь, мы не узнаемъ изъ изложенія Реньо.

Въ 1891 году появилось первое изданіе извѣстной книги Габелентца

„Языкознание“¹⁾). Габелентцъ любилъ точное знаніе и не вдавался слишкомъ много въ теоретическіе вопросы; отъ увлеченія проблемой происхожденія языка онъ и прямо предостерегалъ (304). Какъ представитель положительнаго знанія, онъ обратилъ особенное вниманіе на физическія условія, содѣйствовавшія образованію человѣческой рѣчи. Такъ, по его мнѣнію, очень важно, что вслѣдствіе хожденія на нижнихъ конечностяхъ человѣкъ обладаетъ, подобно сидящей и поющей птицѣ, свободной грудью, которая независима отъ ритма движенія верхнихъ конечностей при бѣганіи и летаніи. У человѣка, благодаря дѣятельности его рукъ, свободенъ и ротъ отъ выполнения тѣхъ обязанностей, которыя совершаетъ у животныхъ пасть (тасканія тяжестей, обороны и т. п.). Наконецъ, и руки, освобожденные отъ хожденія, получили возможность жестикулировать; а познавательное значеніе жестикуляціи, какъ уже было отмѣчено въ спеціальной главѣ, очень значительно. Освобожденіе рукъ дало человѣку и еще одну способность: онъ получилъ возможность работать руками. „Ходить и при этомъ руками обрывать плоды или очищать ихъ отъ кожуры и въ то же время ртомъ говорить, пѣть, смѣяться, кричать; какъ ни ничтожно все это кажется, однако, даже обезьяна оказывается неспособной на это; изъ всѣхъ животныхъ представляется способнымъ совершать это развѣ только слонъ, котораго индусы называютъ обладателемъ руки. Не этимъ-ли объясняется и умъ этого толстокожаго?“ (305). Послѣ этихъ замѣчаній, значенія которыхъ нельзя отрицать, Габелентцъ останавливается на связи между характеромъ пищи и интеллектуальнымъ развитіемъ существа: слишкомъ обремененный желудокъ не даетъ простора умственному развитію, употребленіе исключительно растительной пищи заставляетъ цѣлый день употреблять на ѣду, какъ это дѣлаетъ пасущаяся корова. Въ этомъ отношеніи всеядное животное поставлено въ болѣе выгодныя условія. Далѣе, Габелентцъ отмѣчаетъ и то несомнѣнное преимущество человѣка (впрочемъ, можетъ быть, приобрѣтенное имъ впоследствии), что время его спариванія не ограничено извѣстнымъ періодомъ года; онъ указываетъ также на слабость и безпомощность человѣческихъ дѣтенышей, которые требовали долгого сожитія семьи и такимъ образомъ укрѣпляли ея связь.

Всѣ эти данныя имѣютъ несомнѣнное значеніе въ вопросѣ о происхожденіи языка, и Габелентцъ справедливо указываетъ на нихъ. Изъ семьи, какъ онъ развиваетъ дальше, въ параграфѣ, посвященномъ „психическимъ основаніямъ“, возникаютъ болѣе обширныя соціальныя организации, во главѣ которыхъ стоятъ вожди. Ближайшими цѣлями такого сожитія служатъ защита во внѣ, взаимная помощь внутри общества. И здѣсь

¹⁾ Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse von Georg von der Gabelentz. 2 Auflage. 1901.

же возникает потребность во взаимосообщении. Воля играет на первых ступеняхъ культурнаго развитія чловѣка гораздо болѣе видную роль, чѣмъ рефлексія. „Съ чувствами удовольствія и неудовольствія были уже даны, собственно говоря, категоріи предложенія, положительнаго и отрицательнаго; безразличіе, разумѣется, пребывало въ латентномъ состояніи“ (308). Справедливо указываетъ Габелентцъ на стремленіе чловѣка на всѣхъ стадіяхъ культуры развлекаться и забавляться упражненіемъ своихъ силъ, на присущее ему пристрастіе къ подражанію, на сангвиническій, легко возбудимый, темпераментъ нашихъ чловѣческихъ предковъ. Можно сказать, не вдаваясь въ детальную характеристику взглядовъ этого ученаго, что антропологическія предпосылки, необходимыя для разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка, выяснены Габелентцомъ и оригинально, и съ достаточной опредѣленностью. Они, несомнѣнно, должны быть приняты во вниманіе при разрѣшеніи проблемы.

Уже упомянутый ранѣе Гисвейнъ ¹⁾ выступилъ со своей теоріей происхожденія языка „съ одобренія“ епископа Раабскаго. На его книгѣ лежитъ опредѣленная клерикальная печать, но печать клирикализма католическаго, умѣющаго приспособляться къ новымъ научнымъ вѣяніямъ и доказывать ихъ допустимость съ церковной точкой зрѣнія, ихъ согласованность съ ученіями Библіи. Гисвейнъ подходит къ разрѣшенію проблемы съ большимъ историческимъ аппаратомъ, далеко не всегда соглашается съ самыми крайними клерикальными воззрѣніями и оказывается даже до такой степени либераленъ, что по поводу теоріи Божественнаго откровенія языка, которая находила своихъ сторонниковъ еще въ 1888 г. (*V. De-Vit. Sull'origine e moltiplicazione del Linguaggio. Sienna. 1888*), заявляетъ о несолидарности съ ней современныхъ (католическихъ) богослововъ. Тѣмъ не менѣе, Гисвейнъ съ гораздо большей тонкостью, чѣмъ теологическіе ученые добраго стараго времени, проводитъ все-таки опредѣленную тенденцію, которая обнаруживается и въ заключительномъ обращеніи къ читателю съ призывомъ восхвалить „Всемогущаго, который создалъ чловѣка по своему образу и подобию и возвысилъ его надъ всѣми тварями земли“, и въ критикѣ отдѣльныхъ теорій происхожденія языка. Эта критика, по его словамъ, можетъ исходить лишь изъ убѣжденія, что чловѣкъ сотворенъ Богомъ, какъ разумное существо, и что, стало быть, мысль предшествуетъ слову (*Giesswein. 165*). „Ибо, если бы чловѣкъ безъ языка былъ лишенъ и разума, т. е. былъ бы неразуменъ, то ему самому сообщеніе дара рѣчи (*die Mittheilung der Sprache*) едва-ли оказало бы какую-нибудь помощь, такъ какъ языкъ можетъ быть пригоденъ только мыслящему существу. Неразумный чловѣкъ только бессмысленно повто-

¹⁾ Die Hauptprobleme der Sprachwissenschaft in ihren Beziehungen zur Theologie, Philosophie und Anthropologie von Dr. Alexander Giesswein. Freiburg. 1892.

рять бы слова, какъ это дѣлаетъ попугай“. Подобныя разсужденія, конечно, могутъ быть объяснены только полнымъ непониманіемъ эволюціонныхъ взглядовъ. Недовольнъ, разумѣется, Гисвейнъ, и теоріей „сопровождающаго крика“ (*clamoꝛ concomitans*), которая построена будто бы на довольно произвольномъ предположеніи, „такъ какъ остается совершенно невыясненнымъ, почему первобытный человѣкъ употреблялъ при одномъ дѣйствіи такой звукъ, при другомъ иной“. И здѣсь отрицаніе Гисвейна чрезмѣрно поспѣшно: не слѣдуетъ-ли, дѣйствительно, выяснитъ, какъ звукъ соотвѣтствуетъ усилю, прежде чѣмъ отрицать это соотвѣтствіе. Противъ звукоподражанія Гисвейнъ выступаетъ столь же рѣшительно. „Эта теорія, какъ и теорія рефлекторныхъ звуковъ, можетъ объяснить происхожденіе лишь части того сырого матеріала, изъ котораго сложенъ человѣческій языкъ, но и это она можетъ сдѣлать не съ достаточной достовѣрностью“. Въ такомъ же духѣ и вся остальная критика Гисвейна, цѣнность которой совершенно ничтожна: автору просто надо заявить, что всѣ предложенныя наукой точки зрѣнія неудовлетворительны. У него есть своя теорія, которая и получила „одобреніе“ такого авторитета въ психологическихъ вопросахъ, какъ епископъ Раабскій. Эта теорія сводится въ основномъ своемъ пунктѣ къ слѣдующему: „Языкъ не можетъ быть произведеніемъ человѣкообразной обезьяны и обезьяновиднаго человѣка, или, вообще, неразумнаго существа; онъ является созданіемъ разумнаго существа, такъ какъ языкъ уже предполагаетъ мышленіе... Начало и развитіе языка было осуществлено, по крайней мѣрѣ, умственно одареннымъ и развитымъ существомъ“. Способность рѣчи лежитъ въ натурѣ человѣка, которому она была дана Творцомъ (Giesswein 211—212).

Въ неудержимый потокъ звукоподражаній бросаетъ насъ книга Клейнпауля ¹⁾, въ высшей степени своеобразная и неудобочитаемая книга, гдѣ мысль просто тонетъ въ хаосѣ полемическихъ выпадовъ, остроумныхъ замѣчаній, примѣровъ изъ разныхъ языковъ и діалектовъ. Звукоподражаніе есть *ultima ratio* (201). „Занятіе праотца Адама въ раю“ заключалось въ томъ, что онъ отъ скуки, увѣряетъ Клейнпауль (335), началъ прислушиваться къ крикамъ животныхъ и подражать имъ, и давать имъ имена по ихъ крикамъ. Такъ и теперь въ незнакомомъ животномъ насъ прежде всего поражаютъ издаваемые имъ звуки. Тюленя нѣмецкій народъ называетъ *Seehund* (морской собакой), потому что онъ лаетъ; одного изъ грызуновъ *Stachelschwein*, потому что онъ роется, какъ свинья (336). Обширный, охватывающій множество названій анализъ Клейнпауля стремится установить звукоподражательную основу въ именахъ животныхъ, но методъ этого ученаго такъ несовершененъ, что и доводы его не представляются убѣдительными.

¹⁾ К. Kleinpaul. Das Stromgebiet der Sprache. Ursprung, Entwicklung und Physiologie, какъ второй томъ книги „Das Leben der Sprache und ihre Weltstellung“. Leipzig. 1893.

Никто не станет противорѣчить, что въ нашихъ современныхъ названіяхъ животнаго міра чрезвычайно много такихъ звукоподражательныхъ попытокъ, но отсюда еще нельзя сдѣлать выводъ, что *весь* первоначальный словарь первобытнаго человѣка сводился къ звукоподражательнымъ элементамъ. А безъ этого предположенія и самый вопросъ о происхожденіи языка не является рѣшеннымъ. „Языкъ представляетъ своего рода искусство виртуоза, умѣніе, способность воспроизводить естественные звуки и съ ихъ помощью всѣ возможные вещи, въ томъ числѣ и собственную персону, вызывать чудеснымъ образомъ передъ воображеніемъ слушателя“ (397). Эти зовы, эти подражанія были, по мнѣнію Клейнпауля, первоначально лишь „акустическими сигналами“, которые были бѣдны идейнымъ содержаніемъ и только заключали въ себѣ въ сжатой формѣ какое-нибудь сообщеніе (403). Отсюда будто бы и развились всѣ дальнѣйшія стадіи человѣческой рѣчи. Думаю, что нѣтъ надобности, послѣ вышеизложеннаго, углубляться въ разсмотрѣніе совершенно необоснованной психологически теоріи Клейнпауля. Обратимся къ тому, что дѣйствительно имѣетъ значеніе.

Я имѣю въ виду здѣсь англійскую книгу датскаго ученаго, профессора англійскаго языка въ Копенгагенскомъ университетѣ, Отто Есперсена, который въ 1894 году издалъ книгу „Progress in language“, вызвавшую оживленную полемику и горячія одобренія ¹⁾. Авторъ стремится разсмотрѣть исторію англійскаго языка съ точки зрѣнія эволюціи, вообще, всякаго языка. Это, можно сказать, та же точка зрѣнія, которая положена въ основаніе попытки Якова Гримма объяснить происхожденіе языка изъ данныхъ грамматическаго развитія германскихъ (по преимуществу) языковъ. Только Есперсенъ пошелъ самостоятельнымъ путемъ и достигъ совершенно иныхъ результатовъ, нежели его знаменитый предшественникъ, хотя и этотъ послѣдній указывалъ на бѣольшую полноту и обиліе грамматическихъ образованій старыхъ языковъ по сравненію съ новыми. Данные, на которыя опирается датскій ученый, гораздо шире: онъ пользуется матеріаломъ, извлеченнымъ какъ изъ индоевропейскихъ языковъ, такъ и изъ китайскаго языка, нарѣчій группы банту и т. д. и пытается установить основныя черты первобытной грамматики. „Простота въ лингвистическомъ строеніи, утверждаетъ Есперсенъ (75), является не первичнымъ, но уже вторичнымъ качествомъ, результатомъ развитія“. Самый вопросъ о происхожденіи языка сводится въ пониманіи Есперсена (338) къ возстановленію вѣншней и внутренней структуры извѣстнаго языка, болѣе примитивнаго, чѣмъ самый первобытный языкъ, доступный нашему наблюденію. При этомъ датскій ученый расчленяетъ свое изслѣдованіе на изученіе звуковой, грамматической и словарной сторонъ гипотетическаго пер-

¹⁾ Пользуюсь здѣсь вторымъ (безъ перемѣнъ) изданіемъ этой книги, вышедшимъ въ 1909 году: „Progress in language with special reference to english“.

вобытнаго языка. Что касается первой, то „мы повсюду замѣчаемъ тенденцію сдѣлать произношеніе болѣе легкимъ, чтобы уменьшить мускульное усиліе; трудныя сочетанія звуковъ исчезаютъ, и остаются лишь такія, которыя не представляютъ трудности для произношенія“. Изъ наличности прищелкивающихъ и иныхъ неартикулированныхъ звуковъ въ дикарскихъ языкахъ (особенно, въ южно-африканскихъ) Есперсенъ дѣлаетъ выводъ, что „первобытные языки, вообще, были чрезвычайно богаты подобными трудными звуками“. Большое значеніе для выясненія началъ человѣческой рѣчи Есперсенъ придаетъ музыкальности первобытнаго языка. Въ исторіи развитія отдѣльныхъ языковъ постоянно приходится наблюдать процессъ постепенной замѣны прежняго, первичнаго музыкальнаго ударенія немзыкальнымъ, экспираторнымъ. Съ ссылкой на очеркъ Г. Спенсера, посвященный происхожденію музыки, Есперсенъ переходитъ къ другому интереснѣйшему вопросу, бросающему яркій свѣтъ на происхожденіе языка. Это — мелодія предложенія (*sentence-melody*), которая зависитъ отъ дѣятельности интенсивныхъ чувствъ, вызывающей болѣе рѣзкія и быстрыя повышенія и пониженія голоса. „По мѣрѣ развитія цивилизаціи страсть или, по крайней мѣрѣ, выраженіе страсти становится умѣреннѣе, и мы можемъ отсюда заключить, что рѣчь некультурныхъ первобытныхъ людей отличалась большей страстностью, чѣмъ наша, напоминая скорѣе всего музыку или пѣніе. И это заключеніе подтверждается тѣмъ, что намъ сообщаютъ о языкѣ нѣкоторыхъ дикарей въ наше время“ (342). Къ уже приведеннымъ мною выше, въ главѣ о языкѣ дикарей, примѣрамъ Есперсенъ присоединяетъ еще нѣсколько фактовъ: такъ, онъ отмѣчаетъ пѣвучесть въ произношеніи фразъ на Таити, музыкальность рѣчи, наблюдающуюся особенно въ языкѣ женщинъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (*Friendly Islands*) и т. п. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что существовало время, когда рѣчь была пѣніемъ, или, вѣрнѣе, когда эти дѣятельности еще не дифференцировались. Доказать это положеніе индуктивнымъ путемъ и съ полной достовѣрностью Есперсенъ, однако, не берется при современномъ положеніи лингвистическихъ знаній. Дѣйствительно, можно думать, что не только пѣніе легло въ основаніе человѣческой рѣчи, но, кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что первоначальные звуки ея имѣли музыкальный характеръ, какъ крики птицъ, пѣніе обезьянъ и т. п. Есперсенъ отмѣчаетъ здѣсь же еще тотъ фактъ, что первоначальныя слова длиннѣе современныхъ, что во всѣхъ языкахъ нашей группы наблюдается постоянное стремленіе къ сокращенію словъ (въ родѣ англ. *cab* изъ *cabriolet*, *bus* изъ *omnibus*), такъ что первобытные языки должны были состоять не изъ односложныхъ словъ, но „изъ очень длинныхъ словъ, сохранившихъ нѣкоторые трудные звуки, и скорѣе пѣвшихся, нежели произносившихся“. Это обобщеніе, какъ я полагаю, нельзя распространить

на всю область первобытного языка, но наличность и такихъ длинныхъ словъ должна быть признана.

Очень интересны соображенія Есперсена о грамматикѣ первобытного языка, которую онъ считаетъ возможнымъ возстановить на основаніи изученія общаго грамматическаго развитія языковъ. „Древніе языки имѣли по нѣскольку формъ тамъ, гдѣ современные довольствуются немногими; формы, которыя имѣли первоначально различный характеръ, затѣмъ съ теченіемъ времени смѣшались, или вслѣдствіе фонетической утери различій въ окончаніяхъ, или вслѣдствіе аналогическаго распространенія функциональнаго употребленія какой-нибудь формы“. Такъ англ. *good* замѣняетъ теперь слѣдующій рядъ старо-англійскихъ образованій: *god, godne, gode, godum, godes, godre, godra, goda, godan, godena* или франц. *homme* соответствуетъ латинскимъ формамъ: *homo, hominet, homini, homine*. Другими словами, только основа имени съ различными предлогами явилась на смѣну развитой системы склоненія. И то же слѣдуетъ сказать про спряженіе. Лат. *cantavisset*, замѣчаетъ Есперсенъ (346), „соединяетъ въ одномъ нераздѣльномъ цѣломъ эквиваленты шести идей: 1) пѣніе, 2) *plusquamperfectum*, 3) неопредѣленную модификацію глагольной идеи, что мы называемъ сослагательнымъ наклоненіемъ, 4) дѣйствительный залогъ, 5) третье лицо и 6) единственное число“. Для такихъ образованій Есперсенъ предлагаетъ терминъ *синтезъ*. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что вовсе не агглютинативное соединеніе первоначально независимыхъ частей породило формальныя образованія, но что эти части лишь постепенно приобрѣли свою независимость, такъ что первобытная рѣчь обладала *синтетичностью*. То, что въ позднѣйшую эпоху приобрѣло раздѣльность, первоначально входило въ одно неразрѣшимое цѣлое. Для этого предположенія, которое было подготовлено, несомнѣнно, изученіемъ инкорпорирующихъ языковъ или нарѣчій типа банту, мы находимъ извѣстную поддержку въ указанныхъ дикарскихъ языкахъ, но, съ другой стороны, какое все-таки у насъ право видѣть въ системѣ австралійскихъ „аналитическихъ“ языковъ нѣчто позднѣйшее? Какъ ни проста морфологія австралійскихъ языковъ, она представляетъ извѣстныя построенія формъ съ помощью соединенія односложныхъ словъ съ окончаніями, и возвести къ единству эти двѣ системы морфологическихъ образованій, синтетическую (въ банту, въ сѣверо-американскихъ языкахъ и т. п.) и аналитическую (австралійскую), едва-ли оказывается возможнымъ. Одинъ изъ критиковъ Есперсена, южно-американскій ученый Ленцъ, отрицая, вообще, *единство происхожденія* человѣческихъ языковъ, указываетъ на то, что въ языкѣ чилийскихъ туземцевъ слова-корни должны восходить къ первичнымъ образованіямъ ¹⁾. И, если въ однихъ дикарскихъ языкахъ нельзя думать (какъ

¹⁾ „Ueber Ursprung und Entwicklung der Sprache“, von Rudolf Lenz in Santiago de Chile, въ журналѣ „Die neueren Sprachen“ VIII (изложено въ моей книгѣ „Слѣды корней-основъ въ славянскихъ языкахъ“, стр. 58—61).

утверждает Есперсенъ) просто о *ножѣ*, но можно думать о немъ лишь въ связи съ другими словами („дай мнѣ ножъ“ и т. п.), то въ другихъ языкахъ это оказывается совершенно возможнымъ. Не всегда „первоначальныя языковыя единицы отличались своей сложностью значенія“, какъ думаетъ датскій ученый. Съ нѣкоторыми же его замѣчаніями, конечно, нельзя не согласиться: изобиліе неправильностей и аномалій въ синтаксисѣ, словообразованіи, въ спряженіи и склоненіи, вѣроятно, дѣйствительно было присуще всѣмъ первобытнымъ языкамъ. Говорили, какъ сказалось, и, если собесѣдники поняли сказанное, цѣль говорившаго была достигнута. Итакъ, слова-предложенія (sentence-words) были, по Есперсену, первичными языковыми образованиями.

Нѣсколько страницъ своей книги Есперсенъ удѣлилъ вопросу о первоначальномъ словарѣ человѣка. Онъ исходитъ изъ свидѣтельствъ путешественниковъ (въ родѣ тѣхъ, которые были приведены мною выше) относительно *конкретности* этого словаря. „Въ то время, какъ наши слова лучше приспособлены для выраженія отвлеченныхъ вещей и для точной передачи конкретныхъ, они оказываются сравнительно безцвѣтными. Напротивъ, старыя слова обращались болѣе непосредственно къ чувствамъ; они были гораздо болѣе убѣдительны, болѣе живописны и художественны; въ то время, какъ теперь, желая изобразить какую-нибудь вещь, мы бываемъ вынуждены нагромождать одно слово на другое, старыя конкретныя слова ставили ее передъ воображеніемъ слушателя, какъ одно неразрѣшимое цѣлое; слѣдовательно, они были болѣе приспособлены для поэтическихъ цѣлей“. Первобытный языкъ, вообще, былъ близокъ къ поэзіи. „Первобытный человѣкъ, уже въ силу природы своего языка, былъ вынужденъ постоянно пользоваться словами и фразами въ образномъ смыслѣ; онъ по необходимости выражалъ свои мысли языкомъ поэзіи“. Подводя итоги своимъ воззрѣніямъ на первичный языкъ, Есперсенъ полагаетъ, что первобытный человѣкъ былъ чрезвычайно говорливъ. Въ фонетическомъ отношеніи его языкъ былъ чрезвычайно богатъ, въ смыслѣ содержанія очень бѣденъ. „Первобытные ораторы были вовсе не молчаливыми и сдержанными существами, но юными людьми, весело болтающими и не слишкомъ взвѣшивающими каждое свое слово. Они и не придавали слишкомъ много значенія каждому слогу. Не все-ли равно, однимъ больше или меньше“! Такимъ образомъ, первичный языкъ служилъ цѣлямъ выраженія эмоцій. Какія же изъ этихъ послѣднихъ обладали большею способностью создать зародыши языка? Любовь или голодъ, спрашиваетъ Есперсенъ и отвѣчаетъ на послѣднюю часть дилеммы отрицательно: голодъ и связанныя съ нимъ чувства могли вызывать развѣ коротенькія восклицанія. Повидимому, не будучи знакомъ съ трудомъ Забо-ровскаго, Есперсенъ высказываетъ ту же плодотворную мысль: въ происхожденіи языка важную роль надо приписать любви, стремленію очаро-

вать другой полъ, которому Дарвинъ приписываетъ такое выдающееся значеніе въ образованіи человѣческой рѣчи. Такимъ образомъ, „источникомъ языка является не мрачная серьезность, но веселая забава и юная безпечность: въ первобытномъ языкѣ я слышу веселые крики ликованія, когда юноши и дѣвушки соперничали другъ съ другомъ въ стремленіи привлечь вниманіе другого пола, когда каждый пѣлъ свою самую веселую пѣсню и плясалъ лучшую пляску, чтобы заставить пару милыхъ глазъ кидать восторженные взгляды въ свою сторону“. Человѣкъ сначала пѣлъ, потомъ сталъ говорить; звукоподражаніе, восклицанія и т. п. играютъ извѣстную роль въ образованіи языка, но не доминируютъ.

Преобладаніе принадлежитъ пѣснѣ, изъ которой лишь въ послѣдствіи выдѣлились слова. Такова, въ общихъ чертахъ, интересная и оригинальная теорія Есперсена. Тотъ или другой языкъ могъ, дѣйствительно, возникнуть по указанному имъ способу, но обобщеніе этой „пѣсни—рѣчи“ на всю область происхожденія языка мнѣ кажется недопустимымъ: вѣдь пѣсня въ разгарѣ полового экстаза не связывается съ сознаніемъ; она является только разряженіемъ страсти въ звукахъ, да и содержаніе пѣсни было бы слишкомъ ограничено, не говоря уже о томъ, что половой инстинктъ былъ первоначально связанъ лишь съ опредѣленнымъ временемъ года. Замирала страсть, и съ ней утихала рѣчь! Я думаю, что лишь обычные, постоянныя и спокойныя состоянія человѣка могли породить столь прочныя ассоціаціи между звуками и содержаніемъ сознанія, которыя легли въ основаніе рѣчи и создали стремленіе сообщать въ понятныхъ и для другихъ лицъ той же среды звукахъ объ этомъ содержаніи интеллекта. Но пѣсня въ періодъ полового влеченія подготовила органы рѣчи.

Послѣ Есперсена слѣдуетъ обратить вниманіе на появившуюся два года спустя статью извѣстнаго французскаго ученаго, В. Анри ¹⁾, который высказалъ убѣжденіе, что проблема происхожденія языка не относится къ лингвистикѣ, но является однимъ изъ вопросовъ психо-физиологии, и что „языкъ не есть дѣло человѣка, но представляетъ продуктъ природы“. Какъ ни категоричны эти положенія, въ нихъ не заключается, по существу, ничего новаго, чего бы уже не говорили изслѣдователи, считавшіе вопросъ о происхожденіи языка одной изъ важѣйшихъ проблемъ исторіи человѣческой культуры: вѣдь, никто же не отрицалъ, что человѣкъ долженъ былъ обладать для того, чтобы говорить, физиологической способностью для этого и соотвѣствующимъ цѣли развитіемъ психическихъ особенностей. И вопросъ заключается въ томъ, какъ именно сочетаніе этихъ способностей вызвало рѣчь, какъ, говоря словами самого названнаго ученаго, установить тѣ переходныя стадіи, которыя лежатъ между первоначаль-

¹⁾ Antinomies linguistiques par Victor Henry. Bibliothèque de la faculté des lettres de Paris. II. 1896.

чальнымъ рефлекторнымъ крикомъ животного и обдуманнѣмъ актомъ человѣческой рѣчи. Въ этихъ предѣлахъ Анри изучаетъ вопросъ. Онъ начинаетъ съ рефлекторнаго крика, останавливаясь на психологіи птичьяго пѣнія. Этотъ бессознательный, произвольный крикъ представляетъ собою лишь разряженіе энергіи, подобно рѣчамъ безумно болтающаго пьянаго или крикамъ ведомаго на казнь, вовсе не рассчитывающаго своей мольбой смягчить своихъ палачей, или стомамъ человѣка, кричащаго отъ внезапнаго страха, или кудахтанью курицы и т. п. Все это составляетъ, по мнѣнію В. Анри, одинъ разрядъ явленій и относится исключительно къ области физиологіи. Съ такимъ обобщеніемъ едва-ли возможно согласиться: если въ состояніи возбужденія человѣкъ много говоритъ, то можно, конечно, найти нѣчто общее между этимъ его внутреннимъ побужденіемъ говорить и тѣмъ инстинктомъ, который заставляетъ кричать звѣря, но самое выраженіе этихъ стремленій будетъ совершенно различно, а въ рѣчи человѣка мы находимъ именно опредѣленное выраженіе, продуктъ творчества и процессъ творчества одновременно, и смѣшивать всѣ эти явленія въ одну группу значить вопросъ не разрѣшать, а запутывать.

Послѣ этого В. Анри переходитъ къ языку-сигналу, „т. е. къ такимъ крикамъ, которые понимаются иными существами того же вида. Все происходитъ такъ, какъ будто бы животное испустило свои крики сознательно, съ намѣреніемъ вызвать ими извѣстныя послѣдствія“. Чѣмъ, по существу, отличается такой крикъ отъ первой группы явленій, это изъ изложенія Анри не видно; вѣдь мы можемъ понять, почему кричитъ обезьяна, увидавшая льва, или ворона при видѣ ястреба, хотя ихъ крики не были вовсе „сигналомъ“. Тѣмъ не менѣе (по какой-то необъяснимой причинѣ), „не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что вслѣдствіе всецѣло механическаго процесса языкъ сигналовъ оказываетъ могущественное воздѣйствіе на развитіе центральнаго нервнаго аппарата и, въ свою очередь, подъ вліяніемъ этого послѣдняго процесса, самъ все лучше и лучше приспособляется къ своей функціи; и все это совершается такъ точно, какъ если бы съ теченіемъ времени къ развитію его была приложена сознательная воля“. Но какъ все это происходитъ, остается совсѣмъ непонятно изъ изложенія французскаго лингвиста. Почему „языкъ сигналовъ“ остался на низшей стадіи развитія у животного и привелъ къ сознательной рѣчи у человѣка, какое значеніе имѣетъ указаніе на то, что процессъ развитія этого языка совершается такъ, какъ будто здѣсь было сознание, и т. п.? Позитивизмъ Анри оказывается уже черезъ чуръ поверхностнымъ. Въ концѣ то концовъ и ему приходится прибѣгнуть къ гипотезѣ. У животного, справедливо утверждаетъ В. Анри, „языкъ“ не является толмачемъ мысли, но человѣкъ преступилъ таинственную границу, отдѣляющую бессознательный крикъ отъ сознательной рѣчи. „Благодаря памяти, болѣе одаренной и болѣе координированной, ему удалось однажды вспомнить

ощущение вчерашнего дня, с ясностью и живостью, неравными, но сравнимыми (за исключением степени интенсивности) с этим самым ощущением, достаточными для того, чтобы вызвать звуковой рефлекс (*l'émission d'un réflexe vocal*): так мы можем представить себе происхождение значущего языка. Слушатель мог сначала ошибаться, думать о внешнем проявлении действительного чувства, но его собственное сознание, которое доставляло ему, в свою очередь, разнообразные типы действительных и пережитых чувств, научило его разбираться в актах сознания, обнаруживаемых ему подобными, и так как он сам вспоминал при случае о своих исчезнувших чувствах, то *семантическое* воспитание двух субъектов было непрерывно и взаимно. И так делало шло постепенно все вперед, хотя на развитие потребовалось не мало человеческих поколений. В то время, как память создавала язык, язык, со своей стороны, придавал точность (фиксировал) памяти, и так в человеке возрастала область сознательного, и развивалось его чувство или, если угодно, иллюзия тождества и непрерывности *я* и т. д. Итак, сначала крик рефлекторный, потом крик, понимаемый средой и вызывающий в самом выпускающем его субъекте смутное сознание того, что его понимают, и наконец крик, как выражение вспомнившегося ощущения. Так представляет себе разрешение проблемы В. Анри. Он не останавливается над вопросом о том, почему *рефлекторный* же крик, хотя бы вызванный не самым чувством, но живым воспоминанием о нем, был *осознан* человеком, а ведь в этом то проникновении в человеческое сознание рефлекторного или иного крика и заключается вся сущность проблемы. Может ли подвергнуться такой эволюции именно рефлекторный крик, над этим, как видим, французский ученый не задумывается. Между тем, такая эволюция, *до известной степени* наблюдаемая в возникновении детской речи объясняется воздействием на психику ребенка со стороны говорящей среды, которая помогает превращению рефлекторного крика в значущий, *указательный*. Я полагаю, что важнейшая психологическая проблема создания языка не только не выяснена Анри, но и просто не замечена им. И всякая подобная теория, исходящая из крика, созданного сильным душевным возбуждением, рискует наткнуться на те же затруднения.

Большую жизнеспособность обнаруживает теория звукоподражания. В 1900 году она была вновь поднята немецким ученым Фрейденбергером¹⁾, который в небольшой популярной книжке о „естественной истории языка“ коснулся вопроса и о происхождении человеческой речи. Автор считается с теми возражениями, которые делались этой теории, а прежде всего с фактом разнообразия „звукоподражательных“ назва-

¹⁾ М. Freudenberger. Beiträge zur Naturgeschichte der Sprache. 1900.

ній для одного и того же животного. Онъ самъ отмѣчаетъ, что крики курицы и пѣтуха передаются на самые различные лады: серб. *кукеруку*, англ. *took-took-tkoo*, китайск. *kiao-kiao*, манджур. *dchor-dchor*. Но это расхождение заставляетъ Фрейденбергера придать только нѣсколько модифицированную форму теоріи. „Въ самомъ началѣ рѣчи процессъ не могъ быть одинаковымъ, такъ какъ соперничавшія звуковыя образования должны были обладать приблизительно одинаковой ассоціаціонной способностью. Здѣсь всегда боролись за первенство два или нѣсколько словъ, изъ которыхъ сначала каждое было понятно только своему создателю, а другимъ людямъ той же среды представлялось сначала чѣмъ-то бессмысленнымъ“. Такая борьба—прибавляю я—могла, дѣйствительно происходить, но только уже въ то время, когда рѣчь возникла, т. е. когда человѣкъ, „образующій слово“ (*der Bildner*), сознавалъ, что это *его* слово имѣетъ значеніе, и стремился передать это послѣднее своей средѣ. Роль личности въ образованіи первобытныхъ словарей не подлежитъ сомнѣнію, но тотъ процессъ, о которомъ говоритъ Фрейденбергеръ, не могъ восходить къ первоначальнымъ основамъ языка. Однако совершенно справедливо названный ученый подчеркиваетъ вліяніе одного говорящаго лица на другихъ. „Уже въ доисторическое время особенно привилегированному организму (*dem bevorzugten Organismus*) удавалось навязать свою манеру рѣчи подчиненнымъ. Дѣйствительно, словарь хранитъ ясные слѣды того, что находившіеся въ особо благоприятныхъ условіяхъ роды, состоянія, возрастные классы придавали языку извѣстный отпечатокъ, что онъ навязывался мужемъ, добившимся господствующаго положенія въ семьѣ, своей поработенной женѣ, зрѣлымъ возрастомъ—дѣтямъ, городскимъ жителемъ—селанину, побѣдившимъ господствующимъ сословіемъ подчиненному и вмѣстѣ съ тѣмъ поставленному въ духовную зависимость отъ него простому люду“ (144). При такой постановкѣ вопроса, которая исходитъ изъ положительныхъ данныхъ антропологіи, самая проблема звукоподражательнаго происхожденія языка получаетъ совсѣмъ иной характеръ, нежели въ то простодушное время, когда всѣхъ людей одинаково заставляли передразнивать звуки природы и крики животныхъ. Въ современномъ пониманіи этой проблемы звукоподражаніе является такимъ образомъ отчасти стимуломъ для созданія человѣкомъ своихъ собственныхъ словъ, отчасти матеріаломъ для языка. Минуя психологическую сторону вопроса, т. е. не разсуждая о томъ, какъ стало возможно самое подражаніе, мы можемъ, какъ мнѣ кажется, признать извѣстное основаніе за теоріей Фрейденбергера, согласившись съ нимъ, что въ языкѣ „сырымъ матеріаломъ“ были подражанія естественнымъ звукамъ. Но вслѣдствіе индивидуальныхъ различій въ способности какъ воспринимать, такъ и воспроизводить эти послѣдніе имѣлись въ наличности всѣ необходимыя условія для безграничнаго

наростанія синонимическихъ корней (ср. теорію Марти). Сложеніе словъ, метафоры и тому подобные процессы создали позже весь словарь человѣка.

Лишь вскользь я упомяну о книгѣ Маутнера ¹⁾, который въ своемъ диллетантскомъ изложеніи всевозможныхъ вопросовъ психологіи рѣчи коснулся и происхожденія языка. Какъ далека онъ отъ пониманія самаго существа рѣчи, какъ творчества, видно изъ слѣдующихъ его замѣчаній: „Языкъ представляетъ собою *ничто* среди людей, цѣль его—сообщеніе. Но само по себѣ сообщеніе не можетъ быть цѣлью; оно оказывается таковою лишь у болтуновъ. Мы всегда желаемъ,—хотя бы даже часто косвенно и бессознательно,—повліять на мышленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на волю другого человѣка соотвѣтственно съ нашей мыслью и волей, т. е. согласно нашимъ интересамъ. Такимъ образомъ, цѣлью языка является оказаніе воздѣйствія, направленіе воли и мысли, или, пользуясь моднымъ словомъ, внушеніе“ (461). Мнѣ нечего доказывать здѣсь, что языкъ, какъ творчество, не преслѣдуетъ никакой цѣли, и что сознаніе цѣлесообразности этого процесса является лишь вторичнымъ фактомъ.

Гораздо интереснѣе попытка американскаго ученаго, Фреда Ньютона Скотта, который въ годичномъ собраніи Американскаго общества для изученія новыхъ языковъ произнесъ рѣчь „Происхожденіе языка“ ²⁾. Въ виду малодоступности этой брошюры, которую авторъ любезно доставилъ мнѣ въ 1908 году, и оригинальности взгляда ея автора я считаю полезнымъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе. Проф. Скоттъ исходитъ изъ раздѣленія всѣхъ движеній тѣла на двѣ группы: 1) движенія, которыя полезны для сохраненія жизни (*life-serving movements*), и 2) движенія, которыя служатъ для выраженія и сообщенія (*expressive-communicative movements*). Простѣйшіе организмы знаютъ только первую группу движеній, которая нѣсколько дифференцируется у болѣе сложныхъ организмовъ, раздѣляясь на скрытыя и открытыя. Къ скрытымъ относятся движенія красныхъ и бѣлыхъ шариковъ въ крови, сердцебиеніе, выдѣленіе желчи и т. п.; къ открытымъ тѣ движенія ногъ, головы, всего туловища, которыя необходимы для полученія пищи, спасенія отъ непріятелей и т. п. „Въ первую категорію, говоритъ Скоттъ, входятъ движенія, содѣйствующія индивидуальной жизни; вторая охватываетъ такія движенія, цѣлью которыхъ служитъ первоначально обнаруженіе жизни и представленіе другимъ возможности судить о ней, т. е. тѣ, которыя должны выражать и сообщать. Примѣрами такихъ движеній являются оскалываніе зубовъ и выпучиваніе глазъ въ бѣшенствѣ, сжима-

¹⁾ *Fritz Mauthner. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. II Band. Zur Sprachwissenschaft. 1901.*

²⁾ *Fred Newton Scott. The Genesis of Speech. Reprinted from the Publications of the Modern Language Association of America. XXIII. 4. The modern language Association of America. 1908.*

ніе губъ въ состояніи рѣшимости, пожатіе плечами при сомнѣніи“ и т. д. Вообще, сюда относятся явленія жестикуляціи, мимики и гримасы, а въ концѣ концовъ и самая рѣчь. Такого рода движенія не являются непремѣннымъ условіемъ сохраненія жизни въ организмѣ, какъ явленія перваго рода. По существу, однако, обѣ группы тѣсно связаны между собой, и Скоттъ отстаиваетъ ту точку зрѣнія, которую проводитъ въ своемъ сочиненіи о выраженіи ощущеній Ч. Дарвинъ. Въ конечномъ изслѣдованіи, выразительныя движенія восходятъ къ жизнехранящимъ (life-serving). Но между ними остается все-таки одна существенная разница, которая въ глазахъ Скотта представляется особенно важной въ смыслѣ разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка. Выразительныя движенія „перестали поддерживать существованіе изолированного индивидуума для того, чтобы имѣть возможность поддерживать общее существованіе“. Такимъ образомъ, передъ изслѣдователемъ встаетъ вопросъ: „по какимъ этапамъ первоначально жизнесохраняющія функціи перешли въ функціи сохраненія общества“? Какъ видно изъ самой постановки вопроса, Скоттъ начинаетъ изученіе выразительныхъ движеній человѣка съ изслѣдованія далекихъ до-человѣческихъ отношеній, примыкая въ этомъ отношеніи къ мировоззрѣнію Ч. Дарвина, Гексли и др. Но оригинальной мыслью мнѣ представляется пониманіе выразительныхъ движеній, какъ такой группы явленій, назначеніе которой состоитъ въ сохраненіи общества. Для этого Скотту приходится предположить у человѣка соціальныи инстинктъ (the social instinct), который заставляетъ его оказывать товарищамъ услуги съ цѣлью поддерживать существованіе общества. Мы стоимъ, такимъ образомъ, передъ самымъ острымъ проблемы. „Какъ эти индивидуальныя и соціальныя мотивы участвовали въ процессѣ превращенія жизнесохраняющаго акта въ настоящее сообщеніе, можетъ быть показано самымъ простымъ образомъ на примѣрѣ происхожденія одного соціального жеста (a familiar gesture). Беру въ качествѣ примѣра жестъ или положеніе показыванія. Въ своей первоначальной формѣ этотъ жестъ оказывается дѣйствіемъ хватанія или доставанія. Его первоначальная цѣль пріобрѣтеніе пищи. Но это же движеніе служить какъ познавательный знакъ (a recognition sign), открывающій другимъ присутствіе и, до извѣстной степени, тожество индивидуума, совершающаго этотъ жестъ и обнаруживающаго въ немъ свое состояніе голода. Если бы всегда имѣлось изобиліе пищи, то этотъ актъ никогда бы не поднялся надъ своимъ первоначальнымъ уровнемъ. Всякій разъ, когда индивидуумъ испытывалъ бы чувство голода, ему стоило бы только протянуть руку къ пищѣ и взять ее. Но источникъ пищи, особенно для существъ очень молодыхъ, не всегда бываетъ достаточно изобилень. Рука протягивается напрасно. Желудокъ остается пустъ, и безцѣльный жестъ хватанія является только знакомъ возрастающаго голода“. Скоттъ беретъ въ качествѣ примѣра спеціальныи случай пониманія, возникающаго между

матерью и дитятей. Въ этихъ отношеніяхъ „хватаніе принимаетъ сокращенную форму движенія руки, сопровождающагося выжидательнымъ взоромъ, который дитя бросаетъ на свою мать. Жизнесохраняющее движеніе хватанія переходитъ въ жестъ указыванія“. Какъ мы видимъ изъ вышеприведенной цитаты, американскій ученый совершенно минуетъ въ своемъ изложеніи весьма важный вопросъ о томъ, почему совершенно такая же эволюція не привела къ возникновенію рѣчи и въ животномъ мірѣ? Но, если возможно миновать этотъ вопросъ съ помощью молчаливаго предположенія высшей духовной природы человѣка, то процессъ эволюціи можетъ, дѣйствительно, привести къ взаимопониманію извѣстныхъ жестовъ. Передъ нами въ измѣненномъ видѣ, согласованномъ съ новѣйшими взглядами психологін, теорія Руссо о созданіи языка въ силу какого-то безмолвнаго договора между матерью и дитятей. Правда, психологія дѣтскаго возраста едва-ли даетъ основанія для подобныхъ обобщеній. Однако, въ средѣ взрослыхъ, одинаково настроенныхъ первобытныхъ людей переходъ „индивидуальнаго жизне-сохраняющаго движенія хватанія, благодаря реакціи на него и коопераціи (through response and cooperation), въ социализированный символическій жестъ показыванія“ представляется психологически допустимымъ. Какъ мы знаемъ, до этого движенія доходятъ и обезьяны при нѣкоторой дрессировкѣ. Отсюда, по мнѣнію Скотта, уже не трудно перейти къ языку. „Если языкъ представляетъ собою движеніе голосовыхъ органовъ, аналогичное движеніямъ головы, рукъ, лица и т. п., то основными проблемами его происхожденія являются слѣдующія: 1) Какой жизнесохраняющей функціи потомкомъ или позднѣйшимъ развитіемъ оказывается языкъ? 2) По какимъ этапамъ первоначальная жизнесохраняющая функція превратилась въ функцію выраженія и сообщенія?“ На первый изъ этихъ вопросовъ Скоттъ отвѣчаетъ такъ: рѣчь произошла изъ дыханія, изъ движеній мускуловъ грудной клѣтки и діафрагмы. Что же касается этаповъ превращенія дыханія въ рѣчь, то Скоттъ указываетъ на различные способы дыханія, отмѣчаемые біологами, и на присущее человѣку дыханіе легкими, которое вызываетъ естественный характерный звукъ. „Въ началѣ человѣческой жизни звукъ нормальнаго дыханія служилъ, несомнѣнно, познавательнымъ актомъ. Онъ обнаруживалъ присутствіе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, тожество лица, производившаго его. Нѣтъ никакой необходимости представлять себѣ этотъ звукъ громкимъ. Слухъ первобытнаго человѣка былъ гораздо острѣ нашего. Незамѣтные, едва слышные звуки имѣли больше значенія, когда жизнь была борьбой *à outrance*. Даже для насъ, надѣленныхъ тупыми чувствами, слабые шумы связываются въ минуты сильнаго напряженія съ особеннымъ значеніемъ“ (Scott. 13). Скоттъ распространяется относительно того, что и для насъ иногда самые слабые звуки представляютъ громадное значеніе, и продолжаетъ: „Измѣненія въ характерѣ дыханія и въ громкости звуковъ могутъ служить выраженіемъ

физическихъ условій или соціального положенія и сообщать другимъ о наличии такихъ условій или положеній, главнымъ образомъ матери о ребенкѣ и обратно. Намъ предстоитъ далѣе разсмотрѣть, какъ эти движенія и звуки продолжали видоизмѣняться и, особенно, какъ увеличилось число этихъ звуковъ“. Въ эту область изслѣдованія я не могу, къ сожалѣнію, углубляться вслѣдъ за Скоттомъ. Какъ мы видимъ, передъ нами оригинальная теорія происхожденія языка изъ дыханія,—оригинальная, но едва ли убѣдительная. Она построена на совершенно произвольномъ предположеніи, что дыханіе обладаетъ въ инстинктивномъ (вѣдь только о немъ и можетъ быть рѣчь первоначально) пониманіи познавательнымъ значеніемъ, что между характеромъ дыханія и состояніемъ организма затѣмъ устанавливается рудиментарнымъ сознаніемъ человѣка—звѣря особая связь, полагающая начало сообщенію: сообщенію съ помощью дыханія. Къ коллекціи первоосновъ языка, междометій, звукоподражаній, сопровождающихъ криковъ, Скоттъ присоединяетъ, такимъ образомъ, еще и дыханіе, какъ средство познанія и сообщенія.

Для изложенія взглядовъ Вундта я выбираю послѣднее, т. е. *третье* переработанное изданіе его книги о языкѣ, появившееся въ 1912 году ¹⁾. Оставляя въ сторонѣ данную Вундтомъ критику теорій о происхожденіи языка, которыя онъ раздѣляетъ на теоріи изобрѣтенія, подражанія, естественныхъ звуковъ и чудеснаго откровенія, я сосредоточу вниманіе на собственныхъ взглядахъ знаменитаго философа. По мнѣнію Вундта, названныя выше четыре теоріи должны быть противопоставлены эволюціонному ученію. „Ибо хотя и въ нихъ придается значеніе извѣстнымъ дѣйствительнымъ или мнимымъ эволюціоннымъ моментамъ, однако все же о нихъ всѣхъ можно сказать, что имъ чужда основная мысль настоящей эволюціонной теоріи. Эта мысль должна была бы заключаться и здѣсь въ томъ, чтобы было предположено не всякое возможное или даже любымъ образомъ направленное развитіе, благодаря которому могъ бы будто бы возникнуть языкъ, но въ томъ, чтобы за единственное основаніе изученія были приняты, съ одной стороны, фактическое развитіе языка, поскольку оно доступно нашему наблюденію при изученіи измѣненій существующихъ языковъ и возникновенія новыхъ языковыхъ формъ изъ прежнихъ, а съ другой стороны, тѣ особенности человѣческаго сознанія, которыя представляетъ это послѣднее на самыхъ низкихъ ступеняхъ, непосредственно доступныхъ нашему наблюденію“.

Этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ, по мнѣнію Вундта, ни одна изъ существующихъ теорій, хотя, какъ мы уже видѣли, именно на нихъ построены напримѣръ воззрѣнія Г. Пауля. Быть можетъ, они и просто

¹⁾ Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte von Wilhelm Wundt. Zweiter Band. Die Sprache. Dritte, neu bearbeitete Auflage. Zweiter Teil. Leipzig. 1912.

невыполнимы въ данномъ случаѣ? Напримѣръ, на одинъ изъ вопросовъ, которому было посвящено съ исторіи этой проблемы столько упорной мысли: что предшествуетъ одно другому, разумъ языку или языкъ разуму, Вундтъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Такъ какъ человѣческій языкъ и человѣческое мышленіе всегда и повсюду развиваются одновременно, то можно уже заранѣе сказать, что постановка такого вопроса ошибочна. Развитие человѣческаго сознанія съ необходимостью включаетъ въ себя развитие выразительныхъ движеній, жестовъ, языка, и на всякой изъ стадій развитія представленіе, чувствованіе и мышленіе выражаются въ совершенно адекватной (соотвѣтствующей) ей формѣ: это выраженіе само относится къ той психологической функціи, воспринимаемымъ признакомъ которой оно служить, и оно и не опережаетъ ея, и не отстаетъ отъ нея. Поэтому, съ того мгновенія, когда появляется языкъ, онъ служить объективной мѣрой для обнаруживающагося въ немъ развитія мышленія, но онъ является таковымъ лишь потому, что самъ оказывается интегрирующимъ составнымъ элементомъ функцій мышленія. Далѣе, какъ продуктъ развитія, языкъ долженъ совершенно такъ же, какъ соотвѣтствующая ему форма мышленія, быть обусловленъ предшествовавшими духовными развитіями; онъ не можетъ возникнуть сразу и безъ подготовки. Но именно поэтому не представляется абсолютной граница между языкомъ и естественнымъ (первобытнымъ) состояніемъ лишеннымъ языка. Наблюдатель, которому было бы дано прослѣдить лично развитіе языка со ступени на ступень, никогда не былъ бы въ состояніи сказать: здѣсь, въ это мгновеніе, начинается языкъ, а тамъ, въ непосредственно предшествовавшій моментъ, языка еще не было. Какъ выразительное движеніе, какимъ языкъ остается на всѣхъ стадіяхъ своего развитія, онъ выдѣляется съ полной постепенностью изъ совокупности выразительныхъ движеній, которыя, вообще, служатъ признакомъ одухотворенности... Тамъ, гдѣ существуетъ какая-нибудь связь психическихъ явленій, и стало быть сознаніе, тамъ имѣются и движенія, обнаруживающія во вѣ эти явленія. Эти вѣшніе признаки психической жизни сопровождаютъ сознаніе со ступени на ступень, и естественно, они совершенствуются вмѣстѣ съ содержаніемъ, которому они подчиняются. И тѣмъ не менѣе, для насъ существуетъ пропасть между сознаніемъ даже самой низшей человѣческой расы и сознаніемъ совершеннѣйшаго животнаго, и мы не въ состояніи заполнить эту пропасть никакимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Однако, эта пропасть не такова, чтобы развитія, начинающіяся у человѣка, уже не были подготовлены у животнаго въ видѣ различныхъ предварительныхъ стадій. То, что въ этомъ отношеніи можно сказать вообще о психическихъ функціяхъ, примѣнимо и къ выразительнымъ движеніямъ, которыя относятся къ этимъ функціямъ, какъ ихъ естественныя дополненія, и потому языкъ представляетъ собою не что иное, какъ такое устройство (Gestalt) вы-

разительныхъ движеній, которое соотвѣтствуетъ эволюціонной стадіи человѣческаго сознанія. *Это послѣднее такъ же точно не можетъ быть мыслимо безъ языка, какъ языкъ не можетъ быть мыслимъ безъ человеческого сознанія.* Поэтому оба они (сознаніе и языкъ) возникли вмѣстѣ другъ съ другомъ и съ помощью другъ друга, и вопросъ о томъ, разумъ или языкъ былъ первымъ, имѣетъ столько же смысла, сколько знаменитый споръ о томъ, яйцо или курица возникли раньше. Такимъ образомъ, проблема происхожденія языка можетъ лишь постольку вызывать вниманіе, поскольку она ограничивается вопросомъ, какимъ образомъ выразительныя движенія, присущія человѣку и адекватныя степени развитія его сознанія, сдѣлались звуками рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ превратились постепенно въ символы содержаній мысли, которые лишь въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ позволяютъ опредѣлить непосредственную связь съ ихъ значеніемъ. Такъ какъ языкъ развился, согласно нашему предположенію, изъ болѣе простыхъ формъ выразительныхъ движеній, которыя (особенно, наиболѣе близко примыкающіе къ намъ жесты) позволяютъ еще явственно различить связь съ обозначаемыми ими представленіями, то мы можемъ заключить, что *такое же соотношеніе всегда было присуще и звуку рѣчи.* Но это заключеніе не позволяетъ признавать подобное соотношеніе непосредственно даннымъ, какъ это предполагаетъ теорія звукоподражанія. Напротивъ, оно должно быть признано уже à priori и при томъ въ двоякомъ смыслѣ *непрямымъ*, и это не только допустимо, но даже исключительно это и возможно: во первыхъ и главнымъ образомъ потому, что самымъ непосредственнымъ выраженіемъ психическаго процесса является артикуляціонное движеніе, а не звукъ (этотъ же послѣдній стоитъ въ связи съ такимъ процессомъ не непосредственно, но только вслѣдствіе близости языкового движенія и звука), а во вторыхъ потому, что звуковое движеніе (die Lautbewegung) можетъ найти настолько дѣятельную поддержку въ сопровождающемъ пантомимическомъ и мимическомъ движеніи, что первоначально во многихъ случаяхъ звукъ получить свое значеніе только съ помощью этихъ сопровождающихъ жестовъ. Поэтому, существеннымъ моментомъ въ первоначальномъ языковомъ выраженіи является не самый звукъ, но *звуковой жестъ* (die Lautgebärde), движеніе органовъ артикуляціи, которое, подобно всѣмъ другимъ жестамъ, имѣетъ отчасти указательный, отчасти изобразительный характеръ, и которое, сопровождая жестикуляцію рукъ и другихъ частей тѣла, присоединяется, въ сущности, къ совокупному выраженію чувствъ и представлений, только какъ особенный видъ мимическихъ движеній. И лишь потомъ, какъ слѣдствіе звуковыхъ жестовъ, является звукъ рѣчи, который въ силу отношеній между артикуляціоннымъ движеніемъ и звукообразованіемъ, конечно, можетъ обладать извѣстнымъ сродствомъ съ тѣмъ, что онъ выражаетъ. Но все-таки это родство остается довольно далекимъ.

Поэтому, звукъ рѣчи тѣмъ менѣе можетъ быть принятъ *à priori* за совершенное выраженіе своего значенія, что даже звуковой жестъ, ближе стоящій къ этому значенію, составляетъ лишь одну часть совокупнаго мимического и пантомимического выраженія. Этому вполне отвѣчаетъ та роль, которую еще и теперь въ языкѣ дикихъ народовъ и въ языковомъ развитіи ребенка играетъ жестъ, представляющій собою вспомогательное средство языка“.

„Въ виду этого мы имѣемъ право предположить, что звуковой языкъ развился первоначально вмѣстѣ съ языкомъ жестовъ и при его содѣйствіи, и что онъ обособился отъ этого послѣдняго и приобрѣлъ самостоятельность лишь мало по малу, подѣ влияніемъ долгаго совмѣстнаго существованія. Если первоначальный звукъ рѣчи является звуковымъ жестомъ, который въ значительной мѣрѣ приобрѣлъ свое значеніе только съ помощью прочихъ мимическихъ и пантомимическихъ движеній, его сопровождавшихъ, то прочнаго, не допускающаго никакихъ недоразумѣній соотношенія между звукомъ и значеніемъ никогда не существовало. Пожалуй, во всякое время, когда вслѣдствіе какого-нибудь новаго впечатлѣнія вырывался новый звуковой жестъ, этотъ послѣдній, какъ и другіе жесты, воспринимался какъ говорящимъ, такъ и его средой въ предѣлахъ имѣвшагося кругозора за выраженіе опредѣленныхъ сочетаній представленій и чувствъ, какъ это еще и теперь наблюдается въ извѣстныхъ онomatopoeischen звукообразованіяхъ. Но эти новообразованія опять-таки совершенно ясно показываютъ, что исходный пунктъ этихъ явленій составляетъ повсюду не „звуконеподражаніе“, но языковой жестъ. Говорящее лицо приспособляетъ свои собственныя артикуляціонныя движенія къ тому впечатлѣнію, которое производитъ на него предметъ. При этомъ оказываетъ дѣятельное участіе и обычная жестикуляція. Разъ возникнувъ, значеніе звука остается уже прочно, если даже выпадаетъ сопровождающій его жестъ, и если даже звуковой жестъ и звукъ утратили свое первоначальное средство съ предметомъ. И именно тогда нерѣдко случается, что подѣ влияніемъ впечатлѣнія возникаетъ стремленіе придать звуковому движенію новое родство съ тѣмъ, что оно выражаетъ: такъ возникаютъ разнообразныя явленія вторичнаго звукоподражанія. Такимъ образомъ, не случай создалъ языковой звукъ, но этотъ послѣдній былъ опредѣленъ сопровождающими мимическими и пантомимическими движеніями, относившимися первоначально лишь къ тому, что звукъ означаетъ. Это произошло при посредствѣ мимическихъ движеній, такъ какъ и самый звуковой жестъ представляетъ лишь особенную форму этихъ движеній, и при посредствѣ пантомимическихъ движеній, такъ какъ по отношенію къ нимъ звуковой жестъ и зависящій отъ него звукъ рѣчи представляютъ сопутствующее движеніе (*eine Mitbewegung*), которое зависитъ отъ остальныхъ компонентов совокупнаго выразительнаго движенія. Такъ напр., вытягиваніе рукъ вызываетъ инныя со-

путствующихъ движеніи, нежели сжиманіе ихъ; болѣе энергичные жесты вызываются болѣе сильными звуковыми жестами и т. д. Такимъ образомъ, звукъ рѣчи возникаетъ всецѣло, какъ естественный и неизбѣжный результатъ психофизическихъ условій, преобладающихъ при его образованіи... Будучи продуктомъ имѣющихся въ данный моментъ психофизическихъ условій, звуковой жестъ представляетъ не механической рефлексъ, но именно лишь простѣйшую психофизическую реакцію въ сферѣ двигательныхъ процессовъ: инстинктивный или опредѣленный лишь въ одномъ смыслѣ волевой актъ. Но такъ какъ онъ съ самаго начала мотивируется не только физически, но и прежде всего психически, то и все примыкающее сюда развитіе языка превращается въ цѣпь процессовъ, въ которой отражается духовное развитіе самого человѣка, прежде всего его представленій и понятій. Во всемъ, что составляетъ сущность языка, въ словообразованіи, соединеніи предложеній и въ переходахъ значеній, языкъ есть не только внѣшнее выраженіе общихъ процессовъ сознанія, но и частное необходимое явленіе ихъ". Такова теорія Вундта о происхожденіи языка, которая, въ результатѣ его двухтомнаго изслѣдованія о процессахъ выраженія сознанія въ рѣчи, пріобрѣтаетъ, какъ видимъ, чрезвычайно простой видъ. Источникомъ языка является жестъ, артикуляція звука представляетъ собою своеобразный жестъ, который вызываетъ и самый звукъ; дифференціація жестовъ и связанныхъ съ ними звуковъ составляетъ ту почву, на которой складываются первыя значенія при помощи мимическихъ и пантомимическихъ движеній ¹⁾.

При этомъ Вундтъ совсѣмъ устраняетъ изъ своего разсмотрѣнія вопросъ, который представлялъ камень преткновенія для многихъ изъ его предшественниковъ, именно вопросъ о томъ, какой же уровень психическаго развитія долженъ предшествовать возникновенію языка.

Если, по мнѣнію Вундта, разумъ созданъ съ помощью языка, а языкъ съ помощью разума, то мы все-же не выходимъ изъ затрудненія. Вундтъ, насколько можно судить изъ его ссылки только на книгу Штейнтала о происхожденіи языка, слишкомъ мало знакомъ съ литературой этого вопроса: онъ знаетъ теоріи Нуаре, Макса Мюллера, еще кое-кого, но, кажется, вся сложность и глубина этой проблемы какъ-то не представились ему во всемъ своемъ значеніи.

Вслѣдствіе этого, остается неясно, какія же все-таки психологическія особенности человѣка дали ему возможность достигнуть того, что оказалось недостижимо для всѣхъ остальныхъ животныхъ, почему „звуковой

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 257—259) Вундтъ устанавливаетъ генетическую послѣдовательность предложеній (воскликаніе, сужденіе, вопросъ), при чемъ первичное выраженіе рѣчи принимаетъ форму „предложенія восклицательнаго“ (Anrufungssatz), такъ что, можно думать рѣчь начинается не со словъ, но съ предложеній.

жестъ“ у человѣка повелѣть къ возникновенію рѣчи, а у животнаго не далъ такихъ результатовъ, каковы были тѣ бытовыя условія, которыя облегчили процессъ развитія, хотя бы пути его были указаны Вундтомъ правильно. Вотъ почему его теорія, какъ она ни интересна въ психологическомъ отношеніи, не даетъ, по моему мнѣнію, окончательнаго разрѣшенія проблемы, потому что эта послѣдняя является далеко не только вопросомъ психологіи, но и вопросомъ культурной исторіи. Вѣдь въ созданіи человѣческой рѣчи долженъ былъ наступить моментъ, когда языкъ вышелъ изъ предѣловъ произвольныхъ или полусознательныхъ звуковъ, когда онъ предсталъ передъ людьми, *какъ изобрѣтеніе*, какъ продуктъ культуры, распространяющійся, какъ всѣ такіе продукты цивилизаціи, съ помощью вліянія одного человѣка на другого или на цѣлую группу другихъ. Люди in abstracto создали языкъ, или этотъ послѣдній былъ изобрѣтенъ наиболѣе одаренными или даже однимъ наиболѣе одареннымъ человекомъ, который встрѣтилъ въ своихъ окружающихъ среду, достаточно подготовленную для того, чтобы его изобрѣтеніе было ими воспринято? Такъ, кто-то нашелъ примитивное земледѣліе, кто-то сталъ приучать первое животное. Это не была цѣлесообразная дѣятельность, направленная на достиженіе опредѣленныхъ, хотя бы предполагаемыхъ результатовъ; это была, напротивъ, дѣятельность почти инстинктивная, съ результатами случайными, но по ассоціаціи связавшимися съ представленіями о самой дѣятельности,—дѣятельность, скоро вышедшая изъ предѣловъ безсознательности. О значеніи вліятельной личности въ кругу дикарскаго племени мы знаемъ, и нѣтъ основанія предполагать, что такихъ вождей не было уже и у первобытнаго человѣка. А власть вождя основана даже у самыхъ низкихъ дикарей не столько на его физическомъ преобладаніи, сколько на его нервной организаціи, на тонкости его воспріятій дѣйствительности, на его способности внушать другимъ какое-то суевѣрное почтеніе къ себѣ. И именно такой человѣкъ легче всего могъ ассоціировать звуки съ образами и использовать звукъ для выраженія своего сознанія, содержаніе котораго понималось инстинктивно его окружающими. Происхожденіе языка, какъ проблема историкокультурная, совершенно пренебрежено Вундтомъ. Далѣе, много говоря о звукѣ, какъ жестѣ (откуда и это оригинальное названіе: звуковой жестъ—*Lautgebärde*), Вундтъ совсѣмъ не говоритъ о звукѣ, какъ тонѣ, а между тѣхъ въ инстинктивномъ пониманіи, какъ мы знаемъ, чрезвычайно видная роль принадлежит не только жестикуляціи и мимикѣ, но и тону.

Не обративъ вниманія на роль этого послѣдняго въ возникновеніи человѣческой рѣчи, Вундтъ миновалъ рядъ такихъ фактовъ, которые связаны съ этимъ послѣднимъ: *тоны* у глухонѣмыхъ (напр., у Лауры Бридженъ), тоны въ состояніи полового возбужденія (пѣніе птицы, крики звѣрей) и въ нормальномъ состояніи и т. под. Наконецъ, Вундтъ не отмѣ-

тиль съ достаточной силой и того факта, что въ первоначальной, рудиментарной рѣчи не обычныя воспріятія должны были связаться съ звуками, но или *спеціальныя*, или болѣе яркія,—однако, не потрясающія всего нервнаго организма возбужденіями, которыя не могли сосредоточить вниманіе его на процессахъ внутренней жизни. Весьма важныя преимущества физическаго строенія человѣка, отмѣченныя Габелентцемъ, также оставлены Вундтомъ безъ вниманія. Такимъ образомъ, признавая важность его указаній на связь жеста съ рѣчью (что согласуется и съ данными Болдуина относительно связи дѣятельности правой руки съ разряженіемъ энергіи въ звукахъ),—я полагаю, однако, что Вундтъ не далъ разрѣшенія проблемы о происхожденіи языка, и что для него просто не существовалъ этотъ вопросъ, какъ историко-культурный. Между тѣмъ миновать эту сторону вопроса не представляется возможнымъ.

Я закончу обзоръ изученія литературы разсматриваемой проблемы изложеніемъ недавно появившагося этюда русскаго ученаго, проф. Д. Н. Кудрявскаго ¹⁾, который въ согласіи съ требованіями современнаго языкознанія (укажу на данное выше изложеніе взглядовъ американца Скотта или Г. Пауля) полагаетъ, что „выяснить условія происхожденія языка мы можемъ только однимъ путемъ: намъ необходимо разсмотрѣть, въ какихъ условіяхъ живетъ и развивается языкъ въ настоящее время, каковы были эти условія въ прошломъ и этими данными освѣтить недоступное исторіи время возникновенія языка. При этомъ мы должны выбирать такія условія существованія доступныхъ нашему наблюденію языковъ, которыя общи всѣмъ языкамъ, которыя, слѣдовательно, могутъ являться также и условіями, необходимыми для возникновенія языка. Разсматривая эти условія, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ наблюдаются не только у человѣка, но и у другихъ животныхъ. Въ такихъ случаяхъ, мы имѣемъ право предположить, что явленія человѣческаго языка представляютъ высшую ступень развитія тѣхъ зачатковъ, которые мы наблюдаемъ у другихъ животныхъ. Въ такихъ случаяхъ намъ необходимо выяснитъ, въ какомъ направленіи плло развитіе этихъ зачатковъ, и чѣмъ отличается отъ нихъ достигнутая человѣкомъ высшая ступень“. На этихъ методологическихъ предпосылкахъ построено проф. Кудрявскимъ разрѣшеніе проблемы происхожденія языка: звуковая сторона рѣчи, заключающаяся въ своихъ первоосновахъ въ естественныхъ звукахъ человѣка и животнаго, извѣстная психическая подготовка, принадлежащая человѣку, какъ одному изъ существъ въ общей цѣпи животныхъ организмовъ, спеціально человѣческія способности и общія всѣмъ языкамъ, какъ таковымъ, особенности. Какъ мы видѣли выше на цѣломъ рядѣ примѣровъ, эти частичные вопросы признаются современной наукой наиболѣе настоящими для разрѣшенія кардинальной проблемы. Проф. Кудрявскій не полагаетъ пропасти между рѣчью животныхъ и че-

¹⁾ О происхожденіи языка. „Русская Мысль“. 1912, июль.

ловѣческой. Онъ констатируетъ, въ чемъ съ нимъ нельзя не согласиться, что сознательная рѣчь человѣка подготовлена уже психической жизнью высшихъ животныхъ. „Хотя у животныхъ инстинктивное пользованіе звуками преобладаетъ надъ сознательнымъ, а у человѣка, наоборотъ, разумное пользованіе имѣетъ перевѣсъ надъ инстинктивнымъ, тѣмъ не менѣе существенной разницы здѣсь нѣтъ: разница только количественная“ (стр. 120).

Особенное значеніе для разрѣшенія вопроса о происхожденіи языка проф. Кудрявскій приписываетъ междометіямъ. „То обстоятельство, что въ языкѣ мы находимъ не только слова, но и междометія, даетъ намъ возможность еще ближе подойти къ рѣшенію вопроса о происхожденіи языка. Дѣйствительно, если мы рассмотримъ разницу между нечленораздѣльнымъ междометіемъ и словомъ, то мы можемъ уяснить себѣ, какія условія необходимы были для созданія членораздѣльнаго человѣческаго языка. Мы имѣемъ полное право смотрѣть на междометія, какъ на ту стадію пользованія звукомъ, которая предшествовала созданію языка, *и моментъ возникновенія языка мы можемъ опредѣлить, какъ переходъ отъ междометія къ слову*“. Въ другомъ мѣстѣ своей статьи проф. Кудрявскій дополняетъ эту мысль указаніемъ на то, что языкъ „возникаетъ тогда, когда появляется сопоставленіе представленій и соотвѣтствующихъ имъ словъ“.

На этомъ я заканчиваю свой обзоръ литературы, посвященной изученію проблемы возникновенія человѣческой рѣчи. Я не разбивалъ этого обзора на изложеніе отдѣльныхъ теорій, потому что онѣ слишкомъ тѣсно переплетаются передъ собой, и каждое изъ явленій этой литературы можетъ быть понято, по моему убѣжденію, только въ хронологической связи съ другими: Штейнталь, будучи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ послѣдователемъ Гумбольдта, является вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ эпохи, когда въ науку входили уже новые эволюціонные принципы; развитіе взглядовъ Макса Мюллера остается совсѣмъ непонятно внѣ ознакомленія съ теоріями Гейгера и Нуаре и т. п. Въ совокупности своей эта обширная литература выяснила, по моему мнѣнію, всѣ точки зрѣнія, которыя необходимо принять при разрѣшеніи разсматриваемой проблемы, и если я постараюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи представить нѣсколько своихъ соображеній по этому вопросу, то все же я полагаю, что при настоящемъ уровнѣ знаній возможно лишь дальнѣйшее слѣдованіе по уже протореннымъ путямъ, и не представляется никакой надобности въ проложеніи совершенно новыхъ. Какъ мнѣ кажется, и теорія звукоподражанія, и теорія междометій, и теорія „сопроводительнаго крика“: всѣ заключаютъ въ себѣ извѣстныя здоровыя зерна, которыя должны быть взрощены наукой.

Не эклектизмъ, но критическое изученіе литературы предмета привело меня къ убѣжденію, что на первыхъ стадіяхъ развитія рѣчи, какъ и въ настоящее время, участвовали въ созданіи словаря всѣ эти процессы.

Никакъ нельзя оставить безъ вниманія и тѣ особенности человѣческаго строенія, которыя давали человѣку возможность свободно дышать при ходбѣ, свободно пользоваться своими верхними конечностями для всяческаго труда, которыя, далѣе, оставляли его ротъ свободнымъ, такъ какъ онъ не долженъ былъ питаться въ продолженіе цѣлаго дня, какъ жвачное животное. И, наконецъ, человѣкъ долженъ быть принятъ изслѣдователемъ начальъ рѣчи, какъ существо поющее, подвижное, животное, стремящееся къ общенію съ ему подобными.

ГЛАВА XVIII.

Происхожденіе языка. Языкъ и ритмъ.

Первобытнаго, еще не говорящаго человѣка мы должны представлять себѣ существомъ, успѣвшимъ уже довольно далеко въ своемъ умственномъ развитіи отъ современныхъ намъ высшихъ животныхъ. Какъ утверждаетъ проф. В. А. Вагнеръ ¹⁾, „въ дѣятельности обезьянъ вообще нѣтъ ни одного момента, который для своего объясненія нуждался бы въ чемъ-нибудь, кромѣ памяти и способности къ ассоціаціямъ по смежности“. Американскій изслѣдователь, Торндайкъ, поставившій извѣстные опыты съ цѣлью провѣрить способность обезьянъ къ подражанію и изобрѣтенію, полагаетъ, что въ классификаціи умственныхъ способностей обезьяна заняла бы самое высокое мѣсто, но что, тѣмъ не менѣе, высота это ничто по сравненію съ человѣкомъ. Какъ бы мы ни толковали пути, по которымъ шло развитіе „антропомитека“ въ направленіи къ человѣку, все-таки исторію человѣческой культуры намъ приходится начинать съ предположенія того существа, которое стоитъ уже несоизмѣримо выше обезьяны. Безъ языка невозможно ни логическое мышленіе, ни образованіе понятій, но чрезвычайная сила и яркость образовъ, развитая эмоціоанальная сторона духовной жизни, способность къ ассоціаціямъ образовъ, превосходящая все то, что мы знаемъ по этой части у животныхъ: все это слѣдуетъ предположить уже у первобытнаго человѣка. Такое предположеніе является отчасти необходимой предпосылкой для умозаключеній о дальнѣйшемъ умственномъ развитіи человѣка, отчасти же фактомъ, установленнымъ изученіемъ самыхъ грубыхъ дикарскихъ племенъ. Поэтому, я полагаю, что однимъ изъ наиболѣе прочно установленныхъ положеній въ изученіи началъ человѣческой культуры должно быть выдѣленіе человѣка изъ всего животнаго міра, какъ существа, неизмѣримо выше развитого въ умственномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже первобытный человѣкъ долженъ быть принятъ за существо, хотя и не стадное, но во всякомъ случаѣ живущее болѣе или менѣе долгій срокъ парами. Такъ, шимпанзе живутъ, по словамъ Вариньи ²⁾, „маленькими семействами, состоящими изъ отца, ма-

¹⁾ Вл. Вагнеръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи (Біо-психологія). Томъ II. Инстинктъ и разумъ. 1913, стр. 394—395.

²⁾ H. de Varigny. Histoire et mœurs des animaux. Paris. 1904. I. 20. 28.

тери и дитяти, и питается плодами, нѣжными листочками и сочными корнями. Они не брезгают также яйцами, птицами и мелкими млекопитающими“. Младенцы шимпанзе растутъ медленно, и только по истеченіи четырехъ лѣтъ у нихъ прорѣзываются коренные зубы. Другая человекообразная обезьяна, горилла, держится также маленькими семьями, состоящими изъ самца, самки и *нѣсколькихъ дѣтей*, такъ что передъ нами уже сравнительно значительная группа. Подобно шимпанзе, горилла питается по преимуществу растительной пищей, но не брезгаетъ также ни яйцами, ни мясомъ птицъ или млекопитающихъ. Такимъ образомъ, эти данныя позволяютъ, какъ мнѣ кажется, предположить, что и первобытный человекъ зналъ семью, и что онъ питался какъ растительной, такъ и животной пищею, что оставляло ему извѣстный досугъ, такъ какъ онъ не былъ принужденъ весь день только собирать плоды и корни или охотиться на птицу и звѣря.

Способность и стремленіе издавать звуки должны были принадлежать первобытному человеку за долго до того, какъ онъ приобрѣлъ рѣчь. „Сырой матеріаль“ языка долженъ былъ накопиться ранѣе возникновенія сознательнаго языка. Этотъ матеріаль заключался въ восклицаніяхъ, вырывавшихся изъ груди человека при извѣстномъ возбужденіи (а первобытнаго человека намъ слѣдуетъ предположить существомъ весьма эмоциональнымъ), въ пѣніи, которое составляло одно изъ выраженій его полового инстинкта, быть можетъ, также въ пѣніи и въ другое время, при чемъ въ звукахъ его должно было занимать мѣсто и звукоподражаніе. Пѣвучесть первобытнаго языка считалась необходимой принадлежностью его еще учеными 18 вѣка (ср. стр. 401), а Верберъ настаивалъ на преобладаніи въ немъ гласныхъ звуковъ, что соотвѣтствуетъ нашимъ представленіямъ о языкѣ, сначала *пѣвшемся* и лишь потомъ превратившемся въ рѣчь.

Звукоподражаніе, а также упражненіе органовъ рѣчи, которое доставляло первобытному человеку удовольствіе и удовлетвореніе, какъ всякое успѣшное упражненіе своихъ органовъ, внесло тотъ матеріаль, изъ котораго потомъ сложилась человѣческая рѣчь, множество всякихъ звуковъ, и прищелкиваній, и всасываній губами, и подражаній. Такъ младенецъ въ періодъ лепета производить своимъ голосомъ много разнообразнѣйшихъ неартикулированныхъ звуковъ. Если не инстинктъ рѣчи, то инстинктъ издаванія тоновъ человеку слѣдуетъ приписать. Тѣ *собственные* звуки, которые издавала глухонѣмая Лаура Бриджменъ, свидѣлствуютъ о неудержимомъ стремленіи современнаго человека не только выражать свои эмоціи въ звукахъ, но и *воспринимать* эти послѣдніе какъ выраженіе эмоцій, *систематизировать* ихъ. Конечно, въ случаѣ Лауры Бриджменъ можно говорить о наслѣдственности, но является вопросъ, можетъ ли быть унаслѣдована *приобрѣтенная* видовая особенность, какой

является стремление связывать звуки со значеніями. Однако, даже отбрасывая все то, что было привнесено наслѣдственностью или вліяніемъ окружающихъ, мы все-таки остаемся передъ фактомъ наличности у глухонѣмой такой способности къ ассоціаціямъ звуковъ съ представленіями, которая была присуща человѣку уже на той стадіи его развитія, когда возникла рѣчь. Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, сказать, что человѣчеству, какъ таковому, принадлежитъ инстинктъ рѣчи, который использовать въ качествѣ матеріала всѣ тѣ звуки, какіе вошли въ обиходъ человѣка еще до возникновенія этого бессознательнаго стремленія болтать, т. е. звуко-подражанія, восклицанія, неартикулированные звуки, порожденные упражненіемъ органовъ рѣчи при пѣніи и т. под. Это стремленіе, которое лишь въ условномъ смыслѣ слова можно назвать инстинктивнымъ, должно было принадлежать человѣку, какъ таковому, т. е., можетъ быть, оно было унаслѣдовано человѣкомъ отъ его животныхъ предковъ, но создало *языки* уже человѣчество. Я употребляю здѣсь слово *языки*, а не *языкъ* намѣренно, такъ какъ по моему мнѣнію, общечеловѣческимъ можетъ быть признанъ только языкъ, состоящій изъ словъ—предложеній (sentence-words Есперсена). Выдѣленіе же изъ этого предложенія отдѣльных словъ произошло уже на почвѣ дальнѣйшаго, не общечеловѣческаго развитія. Я никакъ не могу возвести къ одному праязыку все то разнообразіе словообразованія, которое мы наблюдаемъ въ языкахъ дикарей. Дѣйствительно, корневой составъ языковъ австралійцевъ производитъ впечатлѣніе такой же первобытности, какъ и стремленіе сохранить характеръ слова предложенія въ языкахъ сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ или негровъ—банту. И это стремленіе по разному выражается въ принципѣ включенія ряда словъ въ одноглагольное образованіе и въ принципѣ соединенія словъ предложенія съ помощью повторенія одной и той же части, т. е. въ языкахъ Америки и Африки. Что здѣсь первобытнѣе? Въ языкахъ корневыхъ, гдѣ одинъ и тотъ же корень въ два-три звука получаетъ рядъ разнообразныхъ значеній, эти послѣдніе различаются только по интонаціи, и эта роль интонаціи въ такихъ языкахъ, какъ австралійскіе, нѣкоторые южноамериканскіе и т. под., представляется пережиткомъ древнѣйшихъ отношеній языка. Но только пережиткомъ же слова—предложенія (sentence word) можно объяснить и вышеуказанные типы строенія сѣвероамериканскихъ и африканскихъ языковъ, такъ что первобытность всѣхъ этихъ формъ образованія кажется, относительно говоря, одинаковой: все это результаты развитія первоначально одинаковаго типа языка. Та-кимъ образомъ, я считалъ бы правильнымъ выставить такое положеніе: **человѣческій языкъ возникъ въ одномъ мѣстѣ, въ одной группѣ людей, на основаніи инстинкта, присущаго человѣческому существу, но то, что возникло здѣсь, еще не представляло языка въ нашемъ смыслѣ слова.**

Это были только зародыши будущей рѣчи, заключавшіеся въ ритмическихъ пѣвучихъ сочетаніяхъ слабо артикулированныхъ звуковъ, сочетаніяхъ, которыя уже связывались съ извѣстными эмоціональными значеніями. Эмоціи соединялись какъ съ этими звуковыми сочетаніями, такъ и съ образами: вѣдь, какъ мы уже видѣли, образамъ почти всегда соответствуетъ извѣстная эмоціональная окраска. Вслѣдствіе этого, звуковыя сочетанія ассоціировались и съ образами, и слово получило свое первоначальное образное значеніе. Эмоціональный характеръ, связывавшійся съ первыми звуковыми сочетаніями, положившими начало человѣческому языку, не могъ быть настолько силенъ, чтобы подвергать нервную организацію человѣка чрезвычайной встряскѣ. Паническій ужасъ, или охватившій все существо человѣка восторгъ, или порывъ сильной половой страсти должны были, конечно, исторгать изъ его груди восклицанія ужаса или радости, но эти „крики страсти“, какъ называли ихъ французскіе писатели 18 вѣка (ср. стр. 406), не обладали ассоціативной способностью и остались въ силу этого донинѣ на уровнѣ инстинктивныхъ восклицаній. Эмоціи, давшія толчокъ развитію языка, должны были обладать характеромъ обычныхъ переживаній, привычныхъ радостей и печалей. Не эмоціи, вызвавшія крикъ, но эмоціи, сопровождавшія дѣйствія, связанные вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ съ криками или пѣснями, или пѣвучимъ ритмическимъ речитативомъ, — вотъ первоисточникъ человѣческой рѣчи.

На это указываетъ, кромѣ вышеприведенныхъ соображеній, роль, какую играетъ въ языкахъ дикарскихъ (т. наз. первобытныхъ) народовъ элементъ интонаціи, мимики, жеста. Я напому, чтобы не повторяться, какое значеніе придавали жесту въ вопросѣ о происхожденіи языка Вундтъ и Скоттъ, которые къ инстинктивной жестикуляціи человѣка возводили и самое начало его языка. Интонація есть выраженіе въ голосѣ внутренняго чувства: вотъ почему тамъ, гдѣ языкъ еще ближе къ своимъ первоосновамъ, чѣмъ у насъ, тонъ не только „дѣлаетъ музыку“, но и создаетъ слово съ опредѣленнымъ значеніемъ. Мимика и жестъ представляютъ до такой степени необходимый элементъ въ рѣчи дикарей, что, какъ мы видѣли выше, по указаніямъ этнографовъ, безъ нихъ становится просто непонятнымъ значеніе фразы. Человѣкъ, не только поющій свою рѣчь, но и сопровождающій ее инстинктивными спутниками эмоціи, мимикой и жестикуляціей: вотъ тотъ образъ, который рисуется мнѣ, какъ носитель первобытнаго языка. Пониманіе тона и жеста предшествуетъ пониманію словъ, и съ другой стороны, при утратѣ словесныхъ образовъ внутренней рѣчи сохраняется способность понимать тонъ, ритмъ, мимику и жестъ. Слѣдовательно, эти средства выраженія предшествуютъ возникновенію языка.

Но особенно важное значеніе слѣдуетъ приписать, по моему мнѣнію, ритму. Въ виду этого я останавлиюсь здѣсь на нѣкоторыхъ данныхъ пси.

хологической литературы о ритмѣ ¹⁾). Такъ напр., „ритмъ рѣчи оказываетъ дисциплинирующее вліяніе на дѣятельность изученія. Онъ неумолимо толкаетъ впередъ учащаго (стихи или сочетанія слоговъ), такъ какъ всякая неправильность въ произношеніи, всякая невнимательность разрушаетъ тактъ и вызываетъ чувство неудовольствія вслѣдствіе выпаденія изъ даннаго ритма. Вслѣдствіе этого эстетическаго момента нарушенія такта учащійся невольно придерживается такта соразмѣренной работы“ (Мейманъ, цит. Мюллеръ 349—350). При этомъ Мюллеръ отмѣчаетъ, что соразмѣренность работы, создаваемая ритмомъ, является иногда чисто внѣшней,— и это замѣчаніе представляетъ извѣстное значеніе именно при изученіи началъ рѣчи, такъ какъ здѣсь должно быть предположено дѣйствіе безсознательнаго внѣшняго ритма. Стремленіе къ ритму лежитъ въ натурѣ человѣка

„Если я пытаюсь заучивать рядъ слоговъ, согласныхъ и т. д. *безъ ритма*, въ видѣ сочетаній напр. по двое, при томъ имѣющихъ совершенно одинаковое удареніе,—говоритъ Мюллеръ (358),—то мнѣ приходится употреблять большое вниманіе, чтобы не впасть непроизвольно въ опредѣленный (хорическій или ямбическій) ритмъ. А впадъ въ такой опредѣленный ритмъ, оказывается уже очень трудно отдѣлаться отъ него“. То же самое онъ отмѣчаетъ относительно извѣстной тенденціи ритмически располагать въ своемъ слуховомъ воспріятіи услышанный рядъ звуковыхъ ударовъ (Schallschläge) одинаковаго характера и силы. Это происходитъ въ силу присущаго человѣку стремленія къ „субъективной ритмизаціи“, какъ называетъ эту особенность нашей психики Мюллеръ. Ограничиваясь даже приведенными фактами, мы имѣемъ право приписывать человѣчеству и на самыхъ раннихъ стадіяхъ его развитія инстинктивное влеченіе къ ритму. Его пѣсней могло быть ритмическое повтореніе извѣстныхъ слабо-артикулированныхъ звуковыхъ сочетаній. На этомъ, однако, еще не заканчивается гипотетическая часть моихъ взглядовъ на происхожденіе языка. Какъ я отмѣтилъ уже выше, по моему мнѣнію, первобытнаго человѣка мы можемъ представить себѣ существомъ *работающимъ*. Шимпанзе строятъ себѣ гнѣздо, покрытое кровлей и сложенное изъ вѣтокъ; постройка гориллы представляетъ довольно сложное зданіе; орангъ-утангъ возводитъ свое гнѣздо на деревѣ, употребляя для строенія согнутыя имѣлки и т. п.

Конечно, мы имѣемъ здѣсь передъ собою дѣятельность инстинктивную, но у того существа, которое создало человѣчество, необходимо предположить уже переходъ отъ инстинктивной къ полусознательной дѣятельности. Какъ бы велика по своей численности ни была та группа, среди

¹⁾ G. E. Müller. Zur Analyse der Gedächtnistätigkeit und des Vorstellungsverlaufes. I Teil. Leipzig. 1911. Zeitschrift für Psychologie. Ergänzungsband 5. Я цитирую здѣсь работу Мюллера и его ссылки на различныхъ авторовъ, не называя этихъ послѣднихъ.

которой онъ жилъ, была ли эта семья или цѣлая колонія, здѣсь должна была господствовать личность вождя, какъ это наблюдается и у обезьянъ. „У многихъ обезьянъ имѣется настоящая социальная жизнь, очень схожая съ режимомъ племени странствующихъ охотниковъ, въ которомъ пребываютъ еще многія изъ дикихъ народностей“, утверждаетъ Вариньи. Особенно онъ подчеркиваетъ важное значеніе вождя такой группы у высшихъ обезьянъ. Повидимому, человѣкъ никогда не обходился безъ такихъ вождей, при чемъ власть этихъ послѣднихъ, которая первоначально зиждилась только на физическомъ превосходствѣ силъ, потомъ пріобрѣтала свою опору и въ большемъ или оригинальномъ умственномъ развитіи вождя. У дикарей „колдунъ“—высшая власть, и съ этимъ фактомъ, наблюдающимся на протяженіи чуть не всей этнологіи дикихъ племенъ, конечно, приходится считаться, какъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ пережитковъ глубокой древности человѣческаго рода. Другими словами, представляется возможнымъ предположить наличность какъ извѣстной индивидуализаціи въ первобытномъ обществѣ, такъ и сильной власти въ предѣлахъ первоначальной группы: первая была необходима для того, чтобы возникло творчество, вторая была необходима для того, чтобы результаты этого творчества получили распространеніе.

Такимъ образомъ, то состояніе пра-человѣчества, на которомъ въ извѣстной группѣ возникъ языкъ, и на которомъ *вслѣдствіе этого* началась эволюція отъ члвковиднаго животнаго къ члвчку,—это состояніе предполагаетъ примитивную социальную группу, власть стоящаго надъ нею вождя, не только самаго сильнаго, но и самаго *умнаго* существа въ этой группѣ, и совмѣстный трудъ, производимый членами группы при участіи или подъ властью ея вождя. Этотъ трудъ долженъ былъ имѣть первоначально характеръ автоматическій,—и не только трудъ, но и веселье: даже танецъ обладаетъ у дикарей такимъ автоматическимъ характеромъ ¹⁾. Автоматическія движенія, которыя сопровождаютъ выполнение различныхъ формъ труда, составляютъ его *ритмъ*. Ритмически приходится грести, подымать молотъ надъ наковальней, двигаться впередъ и назадъ всѣмъ корпусомъ при пилкѣ дерева, при шлифовкѣ камня и т. под. И такой ритмъ работы вызываетъ ритмъ произвольныхъ восклицаній, сопровождающихъ усиліе.

Рабочія пѣсни въ своей простѣйшей формѣ представляютъ ритмъ восклицаній, соотвѣтствующій ритму работы. Индѣйцы Сѣверной Америки, гребя веслами, поютъ въ тактъ: ah yah ah yah ah ya ya ya! Китайцы замѣняютъ эти восклицанія слѣдующими: hei-ho, hei-hau, hei-ho, hei-hau и т. д. до бесконечности; на островѣ Самоа пѣсню гребцовъ составляютъ соло и хоръ, при чемъ соло поетъ: *fo-fa-l*, а хоръ подхватываетъ: *па-а*.

¹⁾ Здѣсь и въ дальнѣйшемъ ссылки на знаменитое изслѣдованіе Бюхера: *K. Bücher. Arbeit und Rhythmus. 3 Auflage. 1902.*

gi-le fo-l; здѣсь же записана другая пѣсня слѣдующаго содержанія: *solo tu-te tu-ma-i le fou aue! хоръ: tu-te-na-lo-fia-oe!* Наконецъ, матросы феллахти, гребя на нильскихъ судахъ, поютъ: *ala om-my Be-da-wu* и т. д. Безмысленныя слова, очевидно, не играютъ здѣсь большой роли; ихъ значеніе отступаетъ на задній планъ передъ мелодіей, передъ ритмомъ пѣсни. Но это наблюдается не всегда: къ ритму примѣняются иногда слова, которыя даютъ ближайшее опредѣленіе дѣйствию. Гребцы на Нилѣ поютъ приведенную пѣсню, но они знаютъ и другія. Такъ, плывя по теченію, они поютъ слѣдующее: *Solo. He...! il Faium baladas ia-rum... Coro. He, He, il Faium baladas* и т. под., и эти слова уже имѣютъ значеніе: „Эй, Фаумъ есть страна, о грекъ!“ Образцы того же рода мы находимъ и въ русскихъ пѣсняхъ: „Эй ухнемъ, эй ухнемъ! Еще разикъ, еще да разъ!“ Или при подъемѣ тяжестей: „Ой-разъ! Еще разъ! Ой разъ! Еще да разъ!“ Иногда пѣсня описываетъ производимое дѣйствіе, сохраняя своей мелодіей ритмъ описываемой дѣятельности. При выдергиваніи льна поется: „Ужъ я сѣяла, сѣяла лень!“ Подобныхъ примѣровъ изъ различныхъ языковъ Бюхеръ приводитъ множество; они позволяютъ, по моему мнѣнію, представить эволюцію пѣсни отъ нечленораздѣльныхъ сочетаній слабо артикулированныхъ звуковъ, которыя своимъ ритмомъ передаютъ ритмъ работы, къ тѣмъ пѣснямъ, которыя, также соблюдая ритмъ работы, даютъ ея описаніе въ словахъ.

Нуаре и за нимъ Максъ Мюллеръ представляли дѣло такъ, что усиліе, связанное съ работой, вызывало восклицаніе, и что это послѣднее сдѣлалось наименованіемъ самаго дѣйствія, первичнымъ глагольнымъ корнемъ. Я внесъ бы въ это пониманіе поправку, основанную на данныхъ книги Бюхера: усиліе при ритмической работѣ вызвало ритмическій же рядъ восклицаній, который ассоціировался съ чувствомъ, вызываемымъ этой работой, и съ представленіями ея, такъ что, въ концѣ концовъ, совокупность образовъ, связанныхъ съ работой, связалась въ индивидуальномъ сознаніи съ совокупностью извѣстныхъ звуковыхъ (слуховыхъ и двигательныхъ) образовъ. Первая, такимъ образомъ, превратилась въ значеніе послѣдней. Вліяніемъ отдѣльной личности, которая господствовала надъ другими съ той силой внушенія, какая присуща первобытнымъ обществамъ, слѣдуетъ объяснить распространеніе этой связи звуковъ съ дѣйствіями и предметами и въ цѣлой группѣ лицъ. Каждое изъ этихъ послѣднихъ могло связывать съ звуковымъ сочетаніемъ свой образъ предмета и свое чувство, но связь между звуками и вещами была установлена, и такъ возникъ первоначальный языкъ, для котораго матеріалъ уже былъ подготовленъ еще безмысленнымъ пѣніемъ, еще ничего незначившими артикуляціями звуковъ. Пока господствовалъ хоръ, пока всѣ вмѣстѣ сопровождали одну дѣятельность одними и тѣми же звуками, до тѣхъ поръ изъ предѣловъ безсознательности эти звуки не могли выйти. Лишь тогда, когда изъ хора

выдѣлилось индивидуальное произношеніе, *соло*, оно вызвало вниманіе къ звуковому сочетанію. За этимъ *соло* вождя послѣдовалъ и хоръ, какъ и до сихъ поръ въ рабочихъ пѣсняхъ видная роль принадлежитъ запѣвалѣ. Повидимому, къ такому индивидуальному говоренію человѣкъ имѣлъ склонность уже отъ природы. Вышеприведенное свидѣтельство Маргіуса о южно-американскихъ индѣйцахъ, которые до прихода вождя и до начала засѣданія предаются монологамъ, не обращая никакого вниманія на сосѣдей, это свидѣтельство обнаруживаетъ склонность первобытнаго человѣка пѣть для самого себя свою пѣсню. Стремленіе людей, находящихся въ особыхъ ненормальныхъ условіяхъ (ср. то, что изложено выше о созданіи языка въ истеріи), говорить *по своему*, такъ же возвращаетъ насъ къ первобытному индивидуальному говоренію, какъ и школьные или искусственные языки, обнаруживающіе тенденцію человѣчества къ выдѣленію *своего* изъ массы общепринятаго. Но это было именно такое же „говореніе“, какое мы наблюдаемъ въ лепетѣ младенца, которому, повидимому, пріятно лепетать, и который, сердясь и волнуясь, тоже, но иначе лепечетъ.

Такимъ образомъ, еще до возникновенія рѣчи, люди „говорили“, т. е. болтали, пѣли про себя, для себя, безсознательно изливая свои чувства къ неартикулированныхъ пѣсняхъ, въ ритмическихъ повтореніяхъ одного и того же звукового сочетанія, въ прищелкиваніяхъ языкомъ, въ звукоподражаніи и т. д. Возникновеніе *рѣчи* заключалось вовсе не въ томъ, что звукъ связался съ чувствомъ: эта связь могла быть установлена въ каждомъ данномъ случаѣ индивидуальнымъ сознаніемъ еще задолго до созданія человѣческаго языка.

Болтая, первобытный человѣкъ уже могъ испытывать удовлетвореніе отъ производимыхъ имъ звуковъ, онъ уже могъ чувствовать, что такое-то звуковое сочетаніе особенно нравится ему, какъ бы соотвѣтствуетъ испытываемому имъ состоянію. Конечно, такое сознаніе было въ крайней степени смутно и очень непрочно: оно едва намѣчало связь между чувствомъ и его моментальнымъ выраженіемъ. Но этотъ процессъ все-таки уже создавалъ индивидуальныя *значенія*, минутныя, темно-сознаваемые, сначала только ощущаемыя, какъ удовлетвореніе. Рѣчь человѣка началась не съ нихъ, не съ этихъ рудиментарныхъ индивидуальныхъ „языковъ“. Она началась съ того момента, когда одному лицу удалось внушить свое *значеніе* звукового сочетанія другому лицу или цѣлой группѣ. Лишь тогда языкъ возникъ, какъ социальное явленіе, какъ орудіе пониманія.

Этотъ процессъ созданія языка связанъ, какъ уже указано сейчасъ, съ ритмомъ работы. Но не только съ нимъ. Какими бы путями и при какихъ бы обстоятельствахъ ни совершалось внушеніе *значеній* окружающимъ, все это создавало языкъ. И ритмъ работы, и восклицаніе радости, и звукоподражаніе, переданные однимъ лицомъ другимъ, становились зародышами языка, его первыми *словами*. Возникновеніе языка подготовлено

длительнымъ процессомъ психическаго развитія расы, но оно восходитъ не къ незамѣтному постепенному усвоенію средствъ взаимнаго пониманія, а къ моментальному *изобрѣтенію*. Пути всякаго изобрѣтенія подготовляются медленно и незамѣтно, и вмѣстѣ съ Вундтомъ можно сказать, что нельзя найти его начала. Но на этой линіи подготовительнаго процесса все-таки есть точка, на которой процессъ завершается открытіемъ или изобрѣтеніемъ. Такъ, кто-то открылъ способъ добывать огонь, кто-то первый воспользовался орудіемъ. Точно также кто-то первый *изобрѣлъ* языкъ, т. е. свои *значенія* укрѣпилъ въ своемъ сознаніи болѣе, чѣмъ другіе, и сумѣлъ внушить другимъ *полусознательное* пониманіе и воспроизведеніе ихъ. Конечно, и у него связь звуковаго сочетанія со значеніемъ не была прочна, но въ какихъ-нибудь единичныхъ случаяхъ она укрѣпилась и почему-либо стала *нужна* другимъ, какъ стало нужно разведеніе огня, пользованіе камнемъ или вѣткой въ качествѣ орудія.

Какое же значеніе могло имѣть это первобытное слово—предложеніе, то длинное звуковое сочетаніе, то отдѣльный звукъ? Обозначало ли оно предметъ или дѣйствіе, глаголъ или имя существительное? На эти вопросы я далъ бы слѣдующій отвѣтъ: совокупность представленій, связанныхъ съ чувствомъ, была первымъ значеніемъ тѣхъ звуковыхъ сочетаній, которыя должны были удовлетворить это чувство. И потому именно передъ нами не глаголъ, не имя, но по своему значенію цѣлое предложеніе. Лишь съ разложеніемъ этого послѣдняго на части,—разложеніемъ, которое должно было выдѣлить отдѣльныя представленія изъ ихъ первоначальной совокупности, могли обособиться представленія о вещахъ и дѣйствіяхъ. Языкъ начинается съ *синтеза*, который не знаетъ ни именъ, ни глаголовъ.

Проф. А. Л. Погодинъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
11	15 снизу	спасти	снести
42	1 сверху	лиліи	линіи
48	16 "	идущей	идущій
55	7 "	aux associativem	auf associativem
73	17 "	больно	больной
77	7 "	dé doublement	dédoublement
77	12 "	извѣстно	извѣстное
77	17 снизу	не отразиться	отразиться
80	3 "	транскортикальной	транскортикальной
107	22 "	конецно	конечно
112	18 сверху	Тагформа	Та форма
114	1 "	производимой	производимое
117	19 снизу	второй	средній
119	16 "	соблюдающій	соблюдающихъ
128	6 "	проходить	приходить
187	2 сверху	взрослые	зрѣчіе
195	17 снизу	гласный	
195	11 "	посвящено	посвященной
195	15 "	конечнаго	предпоследняго
210	2 "	inferievres	inferieures
217	4 "	тактическая	фактическая
220	2 "	Австріи	Австралиі
227	3 сверху	глаголь	глаголы
232	14 снизу	понять	понятія
252	9 сверху	агглютитаціей	агглютинаціей
281	16 "	атторитетомъ	авторитетомъ
329	5 "	ѣ хко	ѣ лло
338	15 "	увозравнѣнія	умозрѣнѣнія
355	21 снизу	resunia	resus
369	1 сверху	с	р
418	15 снизу	рѣчи	роли
424	3 "	сознаніемъ	созданіемъ
443	19 "	по пробовать	попробоваль
455	4 и 9 снизу	мѣстоименія	междометія
460	20 "	ласкательное	угрожающее
542	4 "	генерическую	генетическую
552	3 сверху	феллахти	феллахи

Указатель понятий.

- Абстракция** въ мышленіи—334; роль слова въ процессъ абстракціи.—335.
Агглютинація.—219.
Артикуляція въ дѣтскомъ языкѣ—194, у глухонѣмыхъ—100, въ языкахъ дикарей: австралійцевъ—218, въ меланезійскихъ языкахъ—227, у южно-африканскихъ дикарей—239, у жителей Судана—252.
Ассоціаціи представлений—319; ассоціаціи у ребенка—170, у животнаго—23; роль ассоціацій въ созданіи языка—515, 518.
Атавизмъ. Атавистическія черты въ развитіи ребенка—150.
Афазія—50. Виды ея: моторная (двигательная)—50; сенсорная (чувствительная)—53; амнестическая—57, 60; оптическая—61.
Аффектъ. Аффективный характеръ душевной жизни ребенка—160.
Аффективный характеръ первобытнаго языка—402, 458.
Вербигерація—67.
Вниманіе у ребенка—167, у слабоумныхъ—86.
Воляпоукъ (см. искусственные языки).
Жестъ. Языкъ жестовъ и звуковой языкъ—541; языкъ жестовъ у глухонѣмыхъ—98; жестикуляція у дикарей—247.
Идо (см. искусственные языки).
Инстинктъ у животныхъ—9.
Истерія—76.
Культура. Характеръ культуры современныхъ дикарей.—215. Культура дикарей австралійскаго материка—218, 220; культура дикарей островной Океаніи—221; культура южно-африканскихъ народовъ—238; культура американскихъ дикарей—258, 272.
Междометіе, какъ выраженіе рефлекторнаго акта—517; междометія слова—517.
Метафора—350.
Метонимія—350.
Мимика. Ея инстинктивный характеръ—122; мимика и слово—125.
Мистицизмъ—126.
Музыка. Внутренняя музыкальная рѣчь (музыкальное мышленіе)—45.
Музыкальные мозговые центры—46. Музыкальность первобытной рѣчи—528.
Мутизмъ (ослабленіе и исчезновеніе способности рѣчи) у истеричекъ—79.
Мышленіе. Безъ-образное мышленіе—321, образное мышленіе—349.
Мысль и языкъ—482, 539.
Номинализмъ—философское ученіе средневѣковья—382.
Образъ—308. Образъ въ мышленіи—316. Образъ и слово—311; образы синтетическіе—309, конкретные и абстрактные—313, 334. Роль зрительныхъ образовъ у глухонѣмыхъ—96; двигательные образы въ психикѣ глухонѣмого—98. Слуховые и осязательные образы у слѣпago—100.
Память у ребенка—166, у дикарей—236.
Парафазія—67.
Познаніе. Мистическое познаніе—126.
Пониманіе въ процессѣ рѣчи—343.
Понятіе—337, 338. Понятія аналитическія и синтетическія—336.
Поэзія—349. Основные приемы поэтическаго мышленія—349.
Представленіе—340.
Психика ребенка—147, глухонѣмого—93, слѣпago—100, моторнаго афатика—50, сенсорнаго афатика—54, истериковъ—77, душевно-ненормальныхъ людей—81, животнаго—8.
Реализмъ—средневѣковое философское ученіе—378.
Рефлексъ въ жизни ребенка—151. Рефлекторное восклицаніе, какъ начало рѣчи—455.

Ритмъ. Роль ритма въ психикѣ человѣка—520. Ритмъ въ языкѣ дикарей—258; чувство ритма у слѣпыхъ—102; склонность къ ритму у психически больныхъ людей—81, 84.

Рѣчь. Внутренняя рѣчь (мышленіе словами)—30; типы внутренней рѣчи: слуховой (аудитивный)—34, двигательный (моторный)—35, зрительный (визуальный)—58. Половые эмоціи и рѣчь—514, 530. Пониманіе въ рѣчи—343. Возникновеніе рѣчи у ребенка—177. Рѣчь у глухонѣмого—100; рѣчь въ состояніяхъ экстаза—125, 136. Разстройство рѣчи у душевно-больныхъ 68, 78.

Синекдоха—349.

Слово—значеніе слова для говорящаго—345. Характеръ словъ первобытнаго языка—346, 361, 509. Развитіе значеній словъ—355; суженіе значеній словъ—358; расширеніе значеній словъ—358.

Сновидѣніе—136; аффективный характеръ сновидѣній—136. Роль внутренней рѣчи въ сновидѣніи—144.

Сознаніе. Состояніе сознанія во снѣ—138. Самосознаніе у ребенка—211. Состояніе сознанія у душевно больныхъ—84; раздвоеніе сознанія у истеричекъ—77.

Сужденіе—340.

Творчество. Языкъ—какъ творчество (*energeia*)—437. Самостоятельное творчество ребенка въ области языка—200; творчество въ области языка въ патологическихъ случаяхъ (у истеричекъ)—69.

Чувство. Органы чувствъ у новорожденнаго—151. Чувство въ жизни ребенка—160, 164. Чувство и мимика—122. Роль чувства въ установленіи связи между звукомъ и значеніемъ—457.

Экстазъ—125.

Эпитетъ—349.

Эсперанто (см. искусственные языки).

Эхололія—67.

Языкъ. Вліяніе личности на созданіе языка—224, 235, 243, 282, 543, 552.

Языкъ жестовъ—114, взаимоотношенія его со словомъ—121.

Предложеніе-слово въ языкѣ—243, 263, 280, 494.

Происхожденіе языка—546. Гипотеза о до-языковой дѣятельности человѣка—491. Первобытный языкъ, какъ спутникъ труда человѣка—477.

Соціальный элементъ въ возникновеніи языка—473, 476, 505.

Роль звукоподражанія въ созданіи языка—456, 465, 467, 534.

Эмоціальный характеръ первобытнаго языка—400, 549.

Первоначальные корни словъ языка—523.

Возникновеніе языка ребенка—177; стадіи его (языка) развитія—183.

Вліяніе среды на развитіе дѣтскаго языка—185. Языкъ ребенка, какъ языкъ аффектовъ—205. Грамматическія категоріи въ дѣтской рѣчи—206. Особенности языка у некультурныхъ народовъ—278; музыкальный элементъ въ языкѣ дикарей—258, 280; характеръ грамматическихъ категорій въ языкахъ дикарей—225, 234, 239.

Языки современныхъ некультурныхъ народовъ: австралійцевъ—218, дикарей острововъ Океаніи—223; малайскіе языки—229; языки дикарей центральной Африки—251; языки южноафриканскихъ народовъ—239; языки американскихъ дикарей—260, 275.

Искусственные языки (воляпоукъ, эсперанто и проч.)—289.

Исторія взглядовъ на происхожденіе языка: воззрѣнія древне-греческихъ философовъ (Гераклитъ—366, Демокритъ—367, Платонъ—368, Аристотель—369, Эпикуръ—371), стоиковъ—372, Августина—373, Л. Кара—375.

Средневѣковые мыслители о происхожденіи языка: Эригенъ—378, Ансельмъ Кентерберійскій—380, Абеляръ—384, Тома Аквинскій—389. Взгляды на происхожденіе языка въ новѣйшее время: Лейбницъ—393, Руссо—395, французская философія 18 вѣка—403, Гердеръ—416, Гаманнъ—426; взгляды психологической школы: Гумбольдтъ—436, Штейнталь—457, Лацарусъ—454; воззрѣнія эволюціонистовъ (Дарвинъ и проч.)—459; антропологическая школа—465, 470; Гейгеръ—481, Нуаре—487, Максъ Мюллеръ—487, 490, Герберъ—498, Пауль—514, Естерсентъ—527, Вундтъ—538.

Указатель именъ.

- Абелярь 384.
Абель 520.
Августинъ 372.
Аделунгъ 434.
Альбертъ Великій 387.
Альтумъ 16.
Амента 187.
Апри 531.
Ансельмъ-Кентерберій-
скій 380.
Аристотель 368.
Аствацатуровъ 55.
Бабинскій 76.
Байрънъ 217, 230.
Балле 36.
Банкрофтъ 278.
Бенфей 365.
Берхеймъ 47, 52.
Бетсъ 315.
Бехтеревъ 53, 56.
Бизе 327.
Бине 320.
Бине и Симонъ 77, 317.
Блеръ 414.
Бликъ 497.
Блохъ 194.
Бодуэнъ - де - Куртепе
303.
Болдуинъ 37.
Бонне 93.
Брайсъ 238.
Бреаль 356.
Брейзигъ 272.
Бринеманъ 328.
Броссъ (де) 408.
Бюттнеръ 250.
Вагнеръ 9.
Ватсонъ 27.
Верберъ 502.
Вестермаркъ 287.
Вильямсъ 233.
Вирховъ 151.
Владимирскій 95.
Вольфъ 63.
Вундтъ 119, 182, 354,
538.
Вюльнеръ 442.
Габеленцъ 226, 523.
Гальтонъ 39, 282.
Гаманнъ 426.
Гаррисъ 394.
Гейгеръ 481.
Гейзе 447.
Гейзеръ 338.
Гексли 464.
Геллеръ 101.
Георговъ 184, 207.
Гераклитъ 366.
Герберъ 498.
Гердеръ 416, 428.
Гернесъ 471.
Гисвейнъ 525.
Голль 148.
Гольдштейнъ 48.
Гриммъ (Яковъ) 443.
Гумбольдтъ В. 276, 436.
Гутцманъ 189.
Hugenin 280.
Даджъ 36.
Дарвинъ 123, 459.
Де-Броссъ 408.
Дежерандо 411.
Декартъ 290.
Деляфоссъ 251.
Демокритъ 366.
Дорошевичъ 289.
Дурнкатъ 496.
Дюгасъ 160.
Есперсенъ 527.
Жане 77.
Заборовскій 513.
Заменгофъ 299.
Зульцеръ 435.
Инженъеросъ 45.
Иерусалемъ 340.
Юдль 337.
Картхаузь 228.
Каръ (Дукрецій) 375.
Кейръ 175.
Келеръ 384.
Киддъ 236.
Киппманъ 24.
Клапаредъ 149.
Клеве 245.
Клейнпауль 526.
Компейре 176, 180.
Кондильякъ 404.
Коноваловъ 133.
Корсаковъ 68.
Крейбигъ 337.
Крушевскій 353.
Cruchet 158.
Кудрявскій 544.
Курти 521.
Кусмауль 54, 59, 153.
Кутюра 307.
Кутюра и Лео 303.
Лапарусъ 454.
Леббокъ 465.
Леви-Брюль 281, 288.
Лейбницъ 393.
Леметръ 41.
Ломброзо 171.
Максимовъ 290.

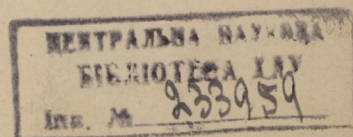
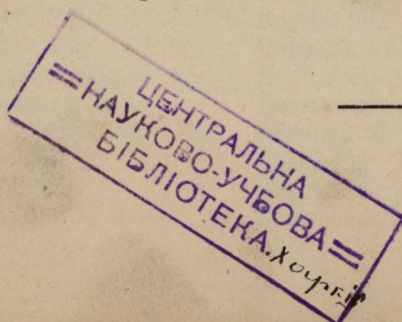
Маллери 114.
Марбе 341.
Мари 48.
Марти 509.
Маринокъ 343.
Мартиусъ 284.
Мейманъ 167, 170.
Мензерать 319.
Миклухо-Маклай 225.
Моро 32.
Муръ 334.
Мэтьюсъ 219.
Мюллеръ Г. 550.
Мюллеръ Максъ 477.
Мюллеръ Фр. 217,
513.
Нуаре 487.
Нюропъ 328.
Овсянко - Куликовскій
318, 345, 352.
Пауль 325, 514.
Пельобъ 324.
Пере 165.
Плато 11.
Платонъ 368.
Потебня 13, 345.
Поуэлль 272.

Прейеръ 152, 167.
Равицъ 179.
Ратцель 217, 244.
Ренанъ 452.
Реньо 521.
Ресежакъ 128.
Рогозинскій 250.
Росцеллинъ 381.
Русло 382.
Руссо 177, 395.
Скоттъ 535.
Смитъ Адамъ 413.
Тайландье 379.
Твардовскій 337.
Тейлоръ 470.
Тетенсъ 433.
Тидеманъ 430.
Торидайкъ 21.
Уиджвудъ 469.
Уитней 504.
Уоллесъ 464.
Ферраръ 466.
Фетерманъ 221.
Филиппъ Ж. 308.
Фиркандтъ 282.
Фихте 450.
Фрейдъ 137.

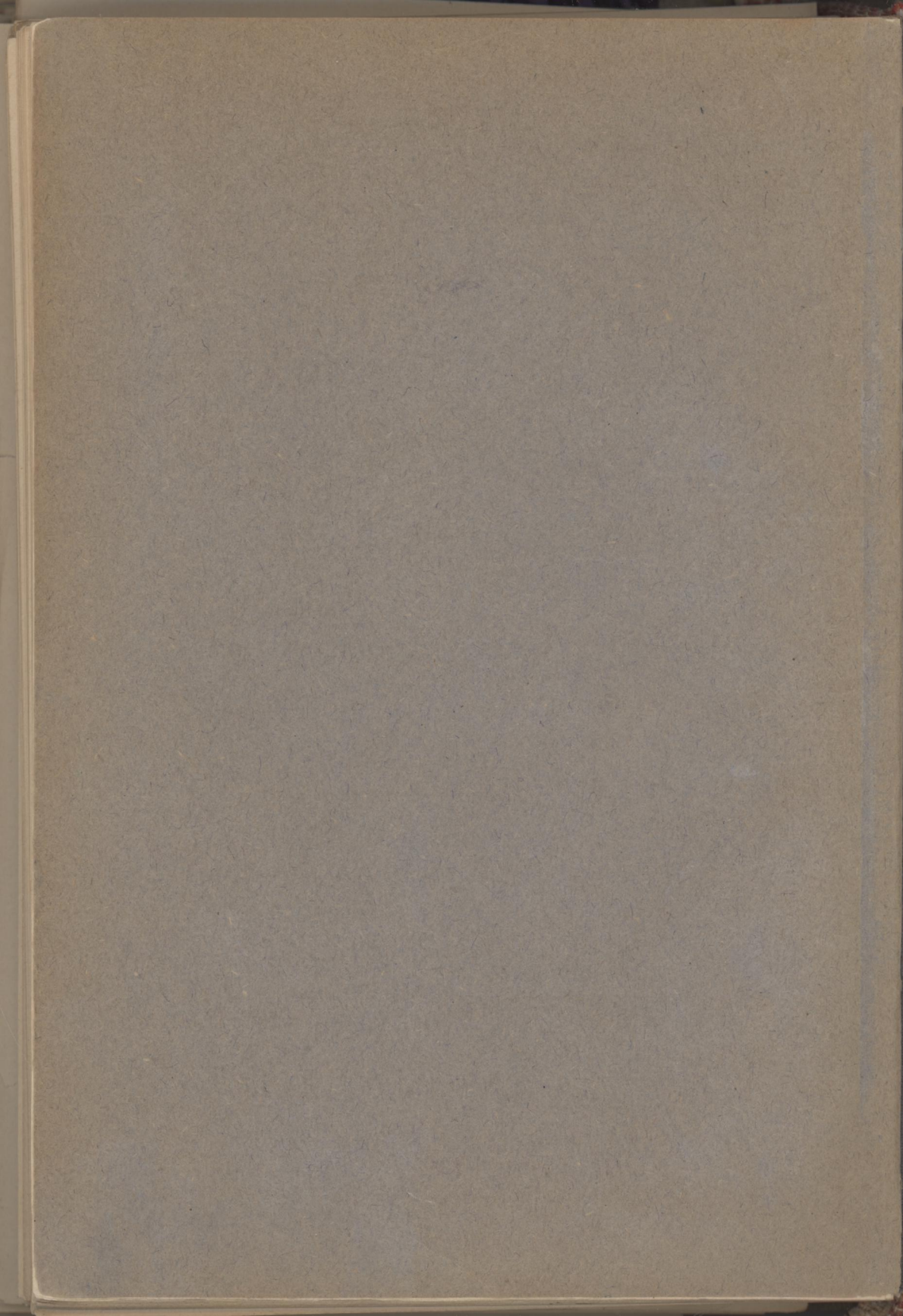
Фрейденбергеръ 533.
Фреундъ 61.
Фритчъ 285.
Фробениусъ 290.
Хаджертъ 28.
Хакеръ 140.
Хейльброннеръ 54.
Хутнеръ 247.
Цобель 425.
Шарко 32.
Швейнфуртъ 252.
Шиннъ 156.
Шлейеръ 295.
Шлейхеръ 461.
Штейнечъ 216, 258.
Штейнталь 366.
Штеррингъ 63.
Штрикеръ 35.
Штумфъ 201.
Шуртцъ 473.
Эбингаузъ 347.
Эджеръ 33.
Эпикуръ 371.
Эренрейхъ 234.
Эригенъ 378.
Θома Аквинскій 389.

Оглавление.

	Стр.
Глава I. Объемъ задачи и методы рѣшенія ея	3
Глава II. Особенности духовнаго склада въ мірѣ животныхъ . . .	8
Глава III. Внутренняя рѣчь	29
Глава IV. Афазія и другія разстройства рѣчи	49
Глава V. Разстройства рѣчи при истеріи, слабоуміи и душевныхъ болѣзняхъ	68
Глава VI. Формы внутренней рѣчи у глухонѣмыхъ и ихъ духовная жизнь.	91
Глава VII. Мимика и жестъ	113
Глава VIII. Роль языка въ состояніяхъ экстаза и въ сновидѣніяхъ	125
Глава IX. Психологія дѣтскаго возраста и рѣчь дѣтей.	146
Глава X. Языки некультурныхъ народовъ	213
Глава XI. Искусственные языки	289
Глава XII. Образъ и слово. Развитіе значенія слова. Слова безъ образа. Понятія. Сужденія	308
Глава XIII. Взгляды греческихъ и римскихъ философовъ и грам- матиковъ на происхожденіе языка.	364
Глава XIV. Взгляды на происхожденіе языка и сущность названій въ средніе вѣка	375
Глава XV. Лейбницъ и Гаррисъ. Руссо и французская философія 18 вѣка. Гердеръ и Гаманнъ. Гумбольдтъ. Гриммъ. Гейзе. .	393
Глава XVI. Дальнѣйшее развитіе ученій о происхожденіи языка (въ 19-мъ и началѣ 20-го столѣтія)	451
Глава XVII. Происхожденіе языка. Языкъ и ритмъ	546

120662

345, 348, 389, 407, 488

502 и Насеком

34352 Общественно-Крестьян

(448), (500) и Насеком

458 дагестанско-Насеком

(482) и дагестанско-Насеком
480